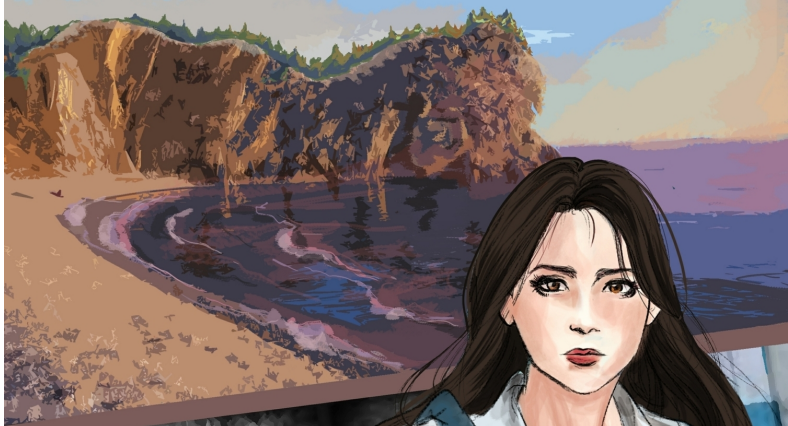

Анна Крылова

16+

Между скалами

...горше всего
в геновке жизни.
Федя нам неважно, добрый он был или злой,
когда его бошки нет?

Анна Крылова

Между скалами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57152753

SelfPub; 2020

Аннотация

Ира Бондарева – обычный подросток: она дружит, влюбляется, совершает безумства, ищет своё место в жизни, – словом, наслаждается всеми "радостями" переходного возраста. Но и без того тернистый путь взросления затрудняет небольшое обстоятельство – она видит призраков.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава I	7
Глава II	22
Глава III	43
Глава IV	55
Глава V	76
Глава VI	84
Глава VII	100
Глава VIII	115
Глава IX	134
Глава X	151
Конец ознакомительного фрагмента.	153

ПРОЛОГ

Мне 17 лет. Мне исполнилось 17 уже довольно давно, но я стала семнадцатилетней только пару месяцев назад, когда случился тот короткий, но яркий водоворот событий, заставивший меня повзреть.

Сейчас, когда я погружаюсь в воспоминания, мне кажется, будто всё это происходило вовсе не со мной и вовсе не в этом мире, а где-то во сне. Или, скорее, в состоянии дремоты.

Я знаю, что у событий, о которых я хочу рассказать, есть и другая сторона. Тёмная, необъяснимая, та сторона, о которой мне не хочется думать. И, не буду лукавить, эта сторона являет собой подводную часть айсберга. Но иногда не стоит тревожить и без того беспокойный океан. Некоторые тайны должны быть нераскрытыми.

Пусть читатель не сочтёт это неискренностью и простит за малодушие. Случившееся способно напугать любого, если слишком глубоко вдуматься.

Поэтому я поведу вас по безопасной внешней стороне айсберга. Думаю, она не менее занимательна, чем внутренняя.

Итак, почему всё это случилось? Пожалуй, у каждого человека в жизни был период «без тормозов», когда ты осме-

ливаешься вылезти, наконец, из своего футляра, и тебя с непривычки заносит от встречного ветра и мотает из стороны в сторону, как колос на лугу во время урагана.

Прошло всего два месяца, а мне кажется, целых 20 лет. Тогда, два месяца назад, всё было совсем по-другому. Тогда я только-только начинала чувствовать предоставленную мне свободу действий, и это чувство поначалу обескураживало меня, а потом я пыталась привыкнуть к нему и часто теряла опору.

С чего всё началось? Пожалуй, с того момента, как я, домашняя девочка из книжного мира, не умеющая толком общаться с людьми, неисправимый и конченный интроверт, поняла вдруг, что уполномочена сама решать, где, как и с кем я проведу день; что и сколько я съем; на что потрачу деньги; сделаю ли уроки; во сколько встану и лягу; сколько кружек кофе выпью с утра (у меня кофеиновая зависимость) и т.д. Я неожиданно почувствовала, что папа с мамой доверяют моим решениям и что я окончательно выросла (в их глазах, во всяком случае). Это было чертовски приятно! Когда родители прислушиваются к тебе, как к равному, и позволяют самому разбираться со своими делами и проблемами.

Именно в этот период начали происходить те события, о которых я хочу рассказать.

Наверное, говорить, что всё это было естественным ходом взросления, было бы не очень справедливо. Я не совсем обычный человек. Я могу видеть фантомы. Не знаю, как и

почему это случилось, что за этим стоит.

Звучит странно и глуповато, но тем не менее. Это то, без чего я не была бы сейчас тем, кем являюсь. Я бы не повзрослела. Не стала бы самой собой. Сколько ни дуйся на свою жизнь, сколько ни спорь с ней, ни обвиняй её, а стоит ли, в конце концов, благодарить её за подаренное проклятие? Теперь я точно знаю – за всё стоит.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Дело было за неделю до начала ноября. Октябрь выдался очень тёплым. Это была запоздалая осень. Золотые листопады, ещё недостаточно холодный ветер и несильные дожди, запах коры деревьев, сырой земли и мокрых листьев. Я впервые видела такой нежный конец октября.

Мы часто семьёй придумываем праздники и справляем их. И в тот день во второй половине октября мы так же придумали День Тёплой Осени. Было воскресенье, и ничто не мешало нам всей семьёй отпраздновать его. Утром мы поехали в краеведческий музей. Мама говорит, что краеведческие музеи влияют на восприятие человеком этого мира. Трудно судить, насколько она права, но со мной это определённо работает.

Потом мы собирались поехать в кафе, но по дороге папа увидел парк аттракционов и свернул напрямиком туда. Маме его идея пришлась по вкусу. Надо сказать, мои родители – те ещё адреналинщики. А вот я не такая. У меня на аттракционах начинается головокружение, в придачу я всё время жду, когда в механизмах что-нибудь сломается, и мы погибнем.

Книжечек начиталась.

В конце дня у меня появилось ощущение, которое обычно появляется летом. Когда ты находишься будто в каком-то другом мире, мире приключений, сражений, погонь, драк, лазаний по деревьям и горам, падений с обрывов в горную реку ночью... ощущение, будто сбылось что-то, о чём ты мечтал в детстве после просмотра мультиков и фильмов.

Потом мама решила побродить по супермаркету, а мы с папой решили подождать её.

Когда мы оказались в машине, папа вдруг спросил:

–Хочешь за руль?

Я опешила. Летом мы выезжали на природу, в лес, и там папа учил меня водить. Много кричал и, в конце концов, объявил, что по городу мне лучше не ездить.

–Хочу, – с недоверием ответила я, искоса глядя на папу. – А чего это вдруг?

–Машин почти нет, – пояснил он. Был уже вечер, и машин действительно было немного.

Мы поменялись местами, и я оказалась за рулём.

–Помнишь, что делать? – осведомился папа, поворачиваясь всем корпусом ко мне и, видимо, готовясь в любой момент переместить ногу на педаль тормоза и руками взяться за руль.

Я не помнила, но кивнула, дабы не прослыть слабаком. Папа хмыкнул и стал, как в первый раз, меня инструктировать.

Я рулила неловко, боязливо, на педаль газа почти совсем не давила, и мне показалось, что я и круга не успела сделать вокруг супермаркета, когда мама вышла.

День закончился в какой-то забегаловке на первом этаже одной из обычных обшарпанных пятиэтажек. В больших городах всегда есть районы, где растёт очень много деревьев, пахнет кошатником и стоит много старых советских построек, с которых медленно обваливается краска и штукатурка. Не очень люблю такие районы, если честно, хотя наличие во дворе деревьев значительно поднимает мне настроение.

В забегаловке было довольно уютно, но было слишком уж много посетителей, поэтому мне не терпелось домой. Я не слишком человеколюбивая и в таких местах стараюсь с другими людьми не контактировать и не смотреть на них.

Когда мы приехали домой, уставшие, но отдохнувшие, нас встретил запах разлитой краски и перемазанный ею кот Фрак. Вообще-то, полное его имя Фраклеон, но мы его называем Фрак, потому что он у нас двушёрстый: на спине, ногах и половине пуза чёрная шерсть, а на шее, голове, лапах и груди – белая. Выглядит, будто он и впрямь во фраке.

– Вот разбойник! – пробормотал папа с негодованием и кинулся в зал, где у нас шёл ремонт.

– Не стыдно тебе, свинтус? – затянула я, подхватывая Фраклеона под мышки и начиная массировать ему живот. Он бесится, а я обожаю так делать. – Ты нарушаешь наши гражданские права, между прочим ...

– Мало того, он ещё нарушает все статьи Семейного Кодекса, – подхватил папа из зала.

– А я о чём, – я попыталась укунить Фрака за ухо, он вывернулся и поцарапал мне шею. Целился в лицо, но я успела отвернуться.

– Оставь кота в покое! – донёсся сзади мамин голос. – Ты куда его тащишь?

– Мыть, – ответила я, кладя Фрака пузом себе на макушку. Фрак ненавидит мыться. Как только включается вода, руки моющего оказываются сплошь покрыты длинными царапинами, а ванную наполняет негодующий кошачий ор.

Я сунула кота в ванную, включила воду и получила свою порцию глубоких царапин на запястье.

Около получаса Фраклеон оказывал сопротивление, отчаянно брыкаясь и покрывая меня кошачьим матом, а потом присмирел и уставился в пространство, словно в шоке, позволяя мне безжалостно обливать его водой и копать за гребущими скрюченными пальцами в его роскошной шерсти. Это он так старается вызвать чувство вины. Мол, сделайте со мной что хотите, я останусь безмолвен. Через десять минут он, правда, опять стал мяукать, шипеть, извиваться и мотать головой по кругу, словно взбесившаяся кобра. Спутанные клочки шерсти стали проскальзывать между пальцами, и Фрак начал дёргаться ещё сильнее.

– Да уймись ты, глупое животное, – прорычала я и сунула кота прямиком под струю воды, чтобы поскорее смыть с него

мыло и сократить его мучения, но Фрак заверещал, рванулся вверх, вцепившись мне в руки и футболку и таким образом надеясь спастись от воды.

– Да что за, – я резко выпрямилась и подхватила его за лапы, но Фрак оказался ловче: он со всей дури тянул меня за руку и освобождённой лапой со смаком вцепился в кожу на моей шее, так что, когда я выпрямилась, на шее красовался огромный глубокий порез, как от ножа.

– Чёрт! – зашипела я, а Фрак, вывернувшись, пулей выско-чил из ванной, спеша навстречу новым приключениям.

– Я тебе это припомню! – крикнула я, потирая расцарапанную шею и выключая воду, но тут же спохватилась, что не смыла с Фрака шампунь, и помчалась за ним.

У самой кухни в коридоре я поскользнулась и, растянувшись на полу, успела крикнуть:

– Мама, держи его!

– Что, Фраклик, она тебя обижает? – донеслось из кухни. Предательница... Вот за что кот любит маму больше всех в нашей семье: во-первых, на неё всегда действует угнетённое выражение его морды (а он обожает поломать комедию), а во-вторых, она его почти никогда не моет и не расчёсывает ему шерсть.

– Мама! – возмущённо закричала я, поднимаясь на ноги и появляясь на кухне. Мама, начавшая уже жарить котлеты на ужин, стояла у плиты и тискала на руках своего ненаглядного Фраклика. – Смотри, что он сделал!

–Ого! – оценила мама, взглянув на мои ранения. Фрак зыркнул на меня наглыми зелёными глазами и, протестуяще мяукнув, продолжил подлизываться. – Сама виновата, лучше бы его папа помыл. Иди сюда, – мама отпустила злорадно косящегося на меня Фрака на пол и достала аптечку.

Я подошла.

Мама извлекла из аптечки банку перекиси и вату, промокнув её в прозрачной жидкости, провела по царапине на шее, из которой уже тянулась струйка крови. Кровь, надо сказать, Фрак любит. Он так и замер на моём стуле (наверняка сейчас его описает, он у нас мстительный) и жадно глядел на алые капли, облизываясь.

Царапину зашипало, боль усилилась. Я ойкнула и ткнула пальцем в кота:

–Помнишь, я говорила, что он кот-вампир? Так и есть.

–Подними голову, – попросила мама.

–За что он меня так ненавидит?

–Он генетически к тебе не расположен.

Мама права. Фрак возненавидел меня ещё несколько лет назад, в тот день, когда мы взяли его, едва родившегося, домой с улицы.

Царапину опять зашипало.

–Ты погляди, он всю краску разлил! – папа заглянул на кухню, демонстрируя пустое ведро из-под краски.

–Там больше нет, что ли? – спросила мама, убирая аптечку в один из шкафчиков.

–Да, – папа махнул рукой, – осталась пара вёдер. Засра-
нец, – процедил он, посмотрев на Фрака. Тот фыркнул и гор-
деливо отвернулся, но, наткнувшись взглядом на меня, сно-
ва повернулся, предпочитая, похоже, смотреть на папу.

–Всё на полу?

–На газетах, ещё стену забрызгал.

–Свинтус, – сказала я и вышла из кухни.

По дороге в комнату я заглянула в зал. Белая краска, как
снег, лежала на газетах, закрывая бесконечные фото знаме-
нитостей и нудные статьи. Слава богу, ненавижу газеты. На-
до отдать коту должное, иногда его безобразия бывают даже
уместны...

Едва оказавшись в своей комнате, я плотно закрыла дверь,
зادвинула шторы и ушла в своё вечное убежище у окна:
письменный стол, над ним у меня кровать. Конструкция мо-
ей мечты. Там я обычно провожу досуг.

Ночью я проснулась от телефонного звонка. Я свесилась
с кровати и долго смотрела на орущий мобильник, а потом,
тяжело вздохнув, слезла вниз, взглянула на номер, и у меня
внутренности связались узлом. Звонила моя подруга Женя
Зайцева.

У нас очень странные отношения, были, по крайней мере.
Однажды, года четыре назад, мы с классом ходили на экс-
курсию в учебную киностудию. Там-то я и познакомилась с
мрачной, резкой по суждениям девушкой-эмо, которая за-
нималась гримом. Мы тогда двумя словами едва переброси-

лись, но я при ней рассказывала нашему gidу про какую-то книгу, и Женя отвела меня в сторону и спросила, не могла бы я дать ей эту книгу почитать. Я ответила утвердительно, и мы обменялись телефонами. После этого встретились, я отдала книгу, и меня просто утопили в мире комиксов, книг, стихов, аниме, в теме монстров, космических войн, параллельных миров, в тонкостях наложения грима. Я была поражена, сколько всего удивительного и увлекательного может извлекать человек из этого мира. Я сижу и предаюсь отчаянию при любом столкновении с реальностью, а кто-то окрашивает эту самую реальность в самые невероятные цвета и любит, действительно любит то, что видит.

Женя учится сейчас на последнем курсе на художника мультфильмов, параллельно познаёт тонкости кино и грима, но в качестве вольнослушателя. Она жутко обаятельная в своём красочном мире фантазии и чёрного юмора, несмотря на интроверсию и замкнутость, и в киностудии её принимают с распростёртыми объятиями.

Женя просто затягивает; всё, что она говорит и делает, окунает меня в бездну её внутреннего мира, и я снова чувствую то, что бывает летом: ощущение приключений... О чём я ни думаю, всё после общения с Зайцевой вижу под другим углом.

На третий день нашего общения она призналась, что у неё есть парень. Она сказала о нём всего два слова, но при этом её глаза так ярко блестели, что я ощутила ревность. Да, рев-

ность – моё второе имя. Я жуткий собственник, особенно с теми людьми, которые мне нравятся.

Где-то спустя неделю я стала понимать, что у нас отношения уже вовсе не приятельские, а гораздо теплее и ближе. Всё время ловила себя на том, что хочу увидеть Женю, поговорить с ней. Она иногда знакомила меня с кем-то: то с тремя парнями, с которыми они играли в своей рок-группе (Женька обожает рок, к тому же неплохо владеет электрогитарой, те парни научили), то с какой-то девчонкой с красивыми серыми глазами (я всё думала, на что Женя её «подсадила», но так и не поняла), то с двумя девчонками-полиглотами, они вроде бы играли в учебном фильме в той киностудии... Словом, не давала очнуться от чувства ревности.

Мы очень долго общались, не произнося слова «друзья». Только через месяц Женя мимоходом обронила: «У меня всё равно друзей нет. Только ты, и всё». Тогда мне открылся на мгновение мир, в котором она жила: мир, где все – не более, чем приятели и единомышленники, и никто, кого можно было бы назвать другом. Тогда я перестала всё время ревновать, зная, что общение со мной ей важнее, чем все те связи, которые связывают её с её знакомыми. Так мы стали друзьями официально.

Когда я взяла трубку, то сразу поняла, что с ней что-то не так.

– Ты себе представляешь, сколько время? – процедила я, хотя и была жутко рада её звонку.

–Ира, пожалуйста, ты можешь приехать? – скороговоркой выпалила Женя. Мне показалось, будто ей трудно дышать. И такой умоляющей интонации я у неё ещё не слышала...

–Приехать? Что слу...

–Пожалуйста, очень тебя прошу! – почти в панике закричала она с той же мольбой в голосе.

–Что случилось? Тебе плохо? – быстро спросила я, ощущая, как по позвоночнику к голове крадётся ледяной ужас.

Что, что могло привести её в такое состояние? Что могло так напугать мою железобетонную подругу?..

–Ира, приезжай сейчас, пожалуйста!..

–Ты можешь...

–Просто побудь со мной, – неожиданно тихо попросила Женя.

У меня вздрогнули внутренности. Это стало последней каплей.

–Куда?

–В общежитие... Туда не пускают только после часа ночи, а сейчас только полночь...

Я бросила телефон на диван у противоположной стены и метнулась было к шкафу, но вовремя притормозила и, с трудом заставляя себя не срываться на бег, прокралась в спальню к родителям.

–Мама, – прошептала я, осторожно прикасаясь к маминому плечу. Она у нас спит очень чутко. – Мам, слушай...

Спешка мгновенно исчезла, когда я стала будить маму,

потому что вряд ли из этого что-то выйдет. Скорее всего, мама меня никуда не отпустит. И скажет пару слов о моей ненормально-горячей привязанности к подруге. Для мамы дружба не имеет цены, как для меня, и она не очень-то понимает мою преданность.

–Чего? – сонно спросила мама. Спавший где-то у мамы в ногах Фрак проснулся и сквозь темноту хмуро посмотрел на меня.

–Мама, мне тут Женя звонила, – я непроизвольно вжала голову в плечи. – И она... ну, она... просила приехать, очень просила... ей, кажется, плохо... Что-то случилось...

–Куда приехать? – мама села, кутаясь в одеяло поверх пижамы.

–К ней... в общежитие, – пробормотала я совсем тихо.

–И что, сейчас? До завтра она подождать не может?

Это именно те вопросы, которых я боялась.

–Ну, она просто просила прямо сейчас...

–Ты посреди ночи к ней собираешься ехать? – мама уже начинала сердиться, и в её голосе зазвенела сталь, заклокотало раздражение.

–Она бы ко мне приехала! – я почувствовала, что пора заступиться, потому что мама никогда не была особенно хорошего мнения о Жене.

–Как хочешь, конечно, но сейчас тебя туда никто не повезёт, – холодно сказала мама.

Судя по её тону, если я решу ехать, мама будет весьма

недовольна. Она считает мою преданность раболепием.

–Мам, она очень просила... Не знаю, что случилось, но такой я её ещё не слышала...

–Сейчас тебя туда никто не повезёт, – повторила мама и легла.

–Спасибо, – я поплелась к двери.

–Не знаю, у папы спроси. Я тебя точно никуда не повезу, – тем же мрачным голосом добавила мама.

–Ладно, – я вышла.

Кажется, обречено. Но что же делать?..

Я постояла у спальни и зашла назад, на переговоры с папой.

–Пап...

–Мм?..

–Папа, мне Женя позвонила...

–Зовёт очередное порно смотреть? – папа о Жене немного другого мнения, чем мама.

Однажды моей подруге какие-то знакомые дали один фильм посмотреть, и она позвала меня на просмотр. Женя ненавидит смотреть фильмы в одиночестве. Где-то через 20 минут мы поняли, что нам впихнули порнуху. Более того, что-то случилось с компьютером, и мы наблюдали это действие ещё часа полтора. Мы тогда были не в общежитии, а дома у Жени, она часто туда приходит. Её родители, очень тёплые люди (до сих пор не пойму, откуда у них такая странная и мрачная дочь?..) пришли, когда наша пытка была в са-

мом разгаре. Конечно, были шокированы... Мой папа узнал об этой истории сразу, как только гроза кое-как миновала, и тоже устроил нам обеим головомойку. Теперь он считает Женю извращенкой, хотя я не раз говорила, что она не знала.

–Нет, почему, – смущённо ответила я, косясь на маму и прикидывая, могла ли она слышать папину фразу. – Но да, она просила приехать. У неё что-то случилось... Пап, – я заметила иронию и скептицизм на его лице, – это очень важно... для неё.

–Не сомневаюсь, – ответил он и отвернулся.

–Мама меня не повезёт.

–Разумно.

–И... ты не?.. – я начала впадать в отчаяние.

–Дочур, я завтра рано встаю.

Нет, пусть спит. Папа телеведущий, ведёт программу новостей. И в студию приезжает очень, ну очень рано, часов в 6:00 утра, чтобы выйти в прямой эфир. Так что пусть спит.

–Ладно, я...

Тут Фраку надоело, что никто на него не обращает внимания, и он стал громко возмущённо мяукать.

–Доча, иди уже спи, – устало сказала мама, приподнимаясь на локте.

Я с досадой вздохнула и вышла за дверь.

Чёрт... чёрт, чёрт! Что же делать?! Как только я вышла из спальни родителей, во мне зашевелилась сильная тревога. Я вспомнила недавний разговор, голос Жени... Нет, я долж-

на сейчас же ехать к ней! Но как?! Мама наотрез отказалась везти, папу нельзя просить, он и откажется, а не откажется – будут проблемы уже у него, автобусы и маршрутки не ходят... Что же делать?

Тут мне в голову влетела безумная мысль. Я буквально сегодня, то есть, уже вчера брала уроки по вождению!

Нет, это действительно безумие. Что я ещё могу?

Я закрыла глаза, постаралась успокоиться. Думай, какие ещё есть варианты... Позвонить кому-то... Кому? Дяде? Исключено, у него забрали водительские права. Мой дядя Гриша, брат мамы, обожает быструю езду.

Может быть, такси? Денег нет, хотя на такси ночью можно доехать относительно недорого. Конечно, теоретически деньги можно взять и без спросу, но так поступать мне хотелось меньше всего.

Никто не повезёт. В голову лезут папины инструкции. Все, все до единой. Слишком глупо, но так реально!

Нет, что ещё?! Может, правда обратиться к дяде?..

И опять навязчивые картинки: поверни ключ, включи мотор, рычаг в сторону, педаль, рычаг... А ведь ничто не мешает! Всего лишь взять ключи от папиной машины, а дорогу я знаю, как свои пять пальцев, только туда пешком не дойти...

Ох, что же делать?!..

Есть ещё вариант: не ехать никуда вовсе.

Я тряхнула головой. Что за глупости?

Пусть мама считает это ненормальным. Мне хватает одно-

го воспоминания о том, какой Женя была по телефону, и все сомнения в прах. Дружба – это то, что бесконечно ценно для любого человека! И если моим друзьям нужна помощь... И потом, ведь их у меня не так уж и много, и каждый явится на первый зов. Почему же я должна оставаться только из-за того, что родители этого не одобряют? Взрослые имеют свойство недооценивать чувства детей. Но это вовсе не пустяк, как они думают...

Да и мне пора становиться взрослее и решать всё самой. Думаю, не особо они и разозлятся, если я сейчас сбегу...

У меня закружилась голова, я вдруг отчётливо представила себе каждый свой будущий шаг, если я собираюсь ехать сама. Мне ничто не мешает.

У меня никогда не было симптомов подростка-бунтаря, и я думала, что никогда не доставлю родителям проблем, но сейчас, натягивая в коридоре куртку, понимала, что я ничем не отличаюсь от других. И, скорее всего, родители этого ждали.

Снять пижаму и влезть в свитер и джинсы – дело одной минуты. Провести расчёской по чёрным волосам и собрать в хвост – всего пара секунд. Куртку поверх свитера, зашнуровать ботинки, забросить в старый рюкзак игрушечного резинового лягушонка (без талисмана пропаду)... готова.

Я осторожно закрыла за собой входную дверь.

Глава II

Во дворе никого не было, окна не горели... Никогда я не видела такого единогласия у людей. Я пошла к нашей машине, нервно потряхивая ключами и с трудом подавляя желание бежать.

Скорее, скорее... Я слишком медленно иду.

Наверняка папа с мамой слышали, как закрылась дверь. Одно окно очнётся от массовой темноты ночи, и кто-то выглянет и посмотрит, во дворе я ещё или нет. Вот-вот родители меня увидят. Я пошла быстрее, не выдержала, сорвалась на бег, подбежала к тому подъезду, около которого папа припарковался...

Уже в машине я осмелилась оглянуться и посмотреть на окна моей квартиры. Они ещё тёмные, но это ненадолго.

Меня вдруг сковал страх. А что, если я не должна этого делать? Если меня по дороге поймают полицейский?.. С другой, стороны, да кто станет заглядывать в окна машины, тихонько едущей по ночной трассе, спросила я себя? Глупости. Да и нет никого. Глупости... но не так-то просто в этом себя убедить. В том, что нет помех. Я привыкла к тому, что, когда я делаю что-то сама, всегда образовывается куча проблем.

И разве я сумею доехать? Чёрт, да я толком не умею водить!..

Хотя я знаю и уже пробовала всё, что мне надо, чтобы по пустынным улицам проехать по знакомой дороге...

Ничто не мешает...

А-а-а, гром и молнии! Нет, кое-что мешает. Я не знаю дорожных правил.

Да ночью никто не узнает, что тут гоняла 17-летняя девочка без прав, да ещё и не по правилам.

Но вдруг... дураков много... а если я кого-то задавлю?

– Да не будь ты душой! – рывкнула я сама на себя и хорошенько тряхнула головой. Нечего выдумывать! Я должна уже быть у Жени, а до сих пор сижу тут и запугиваю сама себя.

Нет, хватит держаться за взрослых, особенно, когда я так нужна лучшей подруге.

Я глубоко вздохнула и взглянула на скорость. Всё нормально (хотя, признаться, я и не поняла, как должно быть «нормально»). Затем повернула ключ и, закусив губу, искала кнопку фар. Не нашла и поэтому бросила и нажала на педаль тормоза. Что же дальше?.. Сдать назад... поставить скорость на «Васк». Я оглянулась, как это делает папа, и стала медленно боязливо отпускать тормоз. Машина качнулась и поползла назад.

У меня перехватило дыхание.

Чёрт, она уже едет... Что же делать?! Я заметалась и, завидев позади машины фонарный столб, не нашла ничего лучше, чем нажать на педаль тормоза.

Так-так... мне налево. Значит, сейчас надо осторожно повернуть направо, чтобы развернуть машину в нужную сторону. И силы не жалеть, папа сказал, когда едешь быстро, машина малейшему движению руля подчиняется, а я тащусь, как улитка...

И я, снова закусив губу, осторожно подняла ногу с тормоза и крутанула руль вправо. Машина развернулась и покатила задом на обочину. Я в панике нажала на педаль, машина въехала через бордюр на траву и резко покатилась прямо мимо столба к каким-то железкам. Я поняла, что перепутала нужную педаль и с силой и визгом надавила на тормоз. Машина резко замерла.

Всё, «Back» мне больше не надо. Я дрожащими руками переключила на «D» и, глубоко вздохнув, сняла ногу с педали тормоза и стала осторожно, напрягшись всем телом и прижавшись к рулю грудью, выравнивать машину.

Фух, самое сложное позади.

Машина мягко скатилась с бордюрины и тихо поехала по дороге.

Пока мне прямо.

Я чуть-чуть надавила на педаль скорости. Машина покатила чуть быстрее. Ещё быстрее мне не надо. Я облизнула прокусанную до крови губу.

На повороте я усердно завертела рулём и чуть не съехала с дороги.

Попетляв минут 10 и по какой-то причине пару раз даже

заблудившись, я, наконец, выехала из дворов, то и дело дёргая машину из стороны в сторону, коротко взвизгивая, резко притормаживая и снова медленно трогаясь с места. У трассы я притормозила, поскольку ближайший светофор горел красным.

За четверть часа я уже потратила нервных клеток на полгода вперёд. Пару раз чуть не убилась, потеряла драгоценные секунды но, тем не менее, проделала уже почти треть и ещё жива...

Отлично, зелёный. Глубокий вздох... поехали. Я сжала руль, сосредоточенно глядя на дорогу, и отпустила тормоз, а затем мягко и сдержанно прибавила скорость. Проскочила пару светофоров и осторожно притормозила у третьего. Красный.

Прелестно, пока всё гладко.

Тут со мной поравнялся какой-то джип, окно открылось, и высунулась лысая голова мужчины лет 40, с толстым носом и узкими губами.

Мужчина махнул рукой, и я, подумав, тоже открыла окно.

– Девушка, добрый вечер, – приветливо сказал он.

– Здравствуйте, – пробормотала я и посмотрела на светофор.

– Включите фары. Ночь на дворе!

Я покосилась на него и пробежала глазами по панели.

Через мгновение в окно просунулась большая рука в чёрном рукаве и надавила на кнопку у меня прямо около руки. Вспыхнули фары.

Я нервно посмотрела на мужчину, который уже успел вытащить руку из папиной машины и вывесить её из окна своей.

–Спасибо...

–Сколько вам лет, девушка? – весело спросил он, глянул на дорогу и на долю секунды его улыбка едва заметно померкла.

О чёрт, кажется, уже начинает всё понимать... Жаль, что я не блондинка. Тогда бы решил, что я просто глупая и поэтому не знаю, как фары включаются.

–Вам зачем? – хмуро и почти с наездом спросила я.

–Машина чья, отца? Мамы? – продолжал мужчина, веселясь ещё больше. Он уже не смотрел на дорогу, заинтересовавшись мной.

–Отца, – краснея, призналась я.

Тут загорелся зелёный, и я осторожно двинулась дальше, выдохнув с облегчением.

–Девушка, может, я вас сам довезу? Куда вам надо?

Я дёрнулась, будто меня ошпарили. Довезу?!

Машину тоже дёрнуло вбок, железо скрежетнуло, лязгнуло, и я, выругавшись, резко притормозила.

–Эй, жива? – донеслось откуда-то сзади, и джип выскочил сбоку и остановился рядом с папиной машиной. Кажется, этому типу всё веселее и веселее...

Я высунулась и осмотрела бок машины. Вроде, всё в порядке... Мне повезло. Если с машиной что-то случится, па-

па меня убьёт.

Да он и так меня убьёт, и мама заодно.

–Что вам надо? – раздражённо рыкнула я.

Мужчина снова бросил быстрый внимательный взгляд на дорогу, а затем беспечно уставился на меня.

–Да не злись! Поехали в клуб лучше? – этот нахал ещё и подмигнул.

–У меня куча других дел!

–В три часа ночи может быть только одно дело.

–Какое же? – стараясь, чтобы в голосе прозвучало побольше яда, огрызнулась я.

–Дети вроде тебя должны спать, к примеру.

–Слушайте, отвяжитесь, а! – буркнула я и поехала вперёд.

–Не боишься, что я родичам твоим настучу? – явно забавляясь, спросил лысый, быстро показываясь рядом.

–Не говорите мне под руку! – зарычала я, снова чуть не оцарапав машину о железные ограждения посреди трассы.

–Ты же ездить-то не умеешь толком! – мужчина расхохотался.

Я скрипнула зубами.

–Это всё потому что... Да пошли вы! – я закрыла окно и надавила на газ.

Дорога неслась вперёд, и я не заметила, как скосила вправо и едва не проехала нужный поворот. Я резко закрутила руль, и машина повернулась и поехала по дорогам к обществу.

У меня заколотилось сердце, но уже не из-за испуга, который то и дело охватывал меня за рулём. В голове зазвучал голос подруги. Что же с ней?.. Не опоздала ли я?..

Я очнулась, когда машина чуть не въехала в мусорный бак, охнула и стала поворачивать руль в другую сторону. Машину вновь занесло. Некоторое время я ехала по дороге безобразно, зигзагами, и кое-как выровняла машину уже входа в общежитие. Боже, наконец-то!

Я притормозила, оставив машину у обочины, поставила на «N», выдернула дрожащими пальцами ключ. На часах было 00:43. Значит, ещё не поздно, меня должны пустить.

Пропуск в общежитие мы с Женей сделали мне уже давно, чтобы я могла спокойно приходить и сидеть у неё.

Я выскочила из внезапно сделавшейся ненавистной мне машины, закрыла дверь и бросилась к крыльцу.

В ушах шумела кровь, сердце бешено колотилось где-то в пятках, в глазах темнело... Скорее!

Я ворвалась в общежитие, как голодный волк в зверятник к овцам, показала на бегу пропуск и под гневную ругань вахтёрши помчалась к лестнице. Жизнь в общежитии ещё кипела, туда-сюда прогуливались студенты, поэтому мне пришлось пробираться к лестнице, расталкивая их. Здесь вообще всегда коридоры на редкость оживлённые.

Пролёт, ещё пролёт... сердце стучало не в такт с шагами и разрывалось от волнения.

«Я у Жени. Всё хорошо. Не переживайте» – эту SMS я от-

правила родителям. Надеюсь, это не заведёт их ещё больше.

А если я опоздала?..

Вот эта дверь... за ней – тихо.

Я, не стучась, толкнула её. Женя в своей комнате обитает одна, но сейчас не было и её. Точнее, так мне показалось на первый взгляд.

–Женя!

Я подскочила к её кровати.

Она лежала поверх чёрного покрывала лицом в подушку. Невысокая, бледная кожа, чёрные волосы с двумя розовыми прядями... Её была крупная дрожь, пальцы сильно сжимали ткань.

Я села на кровати рядом с ней и положила руку ей на спину.

–Женя, что случилось?..

Она перевернулась на бок и посмотрела на меня. Её лицо было мертвенно-бледным, губы пересохли, глаза смотрели так, будто она не может сфокусироваться.

У меня задрожали руки.

–Что с тобой?

–Спасибо, что приехала, – прошептала Женя. Потом вдруг её глаза вспыхнули, и в них загорелся страх, и она неожиданно сжалась в клубок с глухим стоном.

Я вздрогнула, вскочила, снова села уже на пол, так, чтобы Женино лицо было напротив моего.

–Что с тобой?! Тебе плохо?.. Позвать кого-нибудь?..

Я уже снова вскочила, но тут горячие мокрые пальцы вцепились в мою руку.

–Нет, не зови! – крикнула Женя, и ужас в её голосе заставил меня замереть.

–Женя...

–Пожалуйста, не зови никого, – ей было трудно дышать и ещё труднее говорить. – Не надо, чтобы кто-то знал... Это пройдёт...

–Что «это»?! – выпалила я, с яростью выдёргивая руку из её неожиданно ослабевших лихорадочно дрожащих пальцев. – Посмотри на себя, ты на живую не похожа!

Я повернулась, чтобы умчаться за помощью.

–Стой! – на этот раз у неё не хватило сил на крик: она, трясась, привстала на локте и снова поймала моё запястье.

–Да в чём дело?! – рывкнула я, опять вырывая руку. В следующую секунду мне на глаза попала внутренняя сторона её локтей, и у меня перехватило дыхание.

–Это... что за...

Я не верила глазам. Нежная, бледная кожа, просвечивающие вены и около четырёх темноватых следов, похожих на микроскопические точкообразные шрамы.

–Что это? – слабо спросила я.

Через мгновение с гневом повторила:

–Что это такое?!

Она проследила за моим взглядом и убрала руку.

–Это не совсем то, что ты... – поспешно начала она, са-

дьясь на кровати.

–Нет, это как раз именно то! – мне впервые захотелось её убить. – Где были твои мозги?! Если ты рассчитывала, что я раздобуду тебе эту гадость...

–То я бы так и сказала! – в голосе Жени прозвучала злость. – Я тебе не наркоманка!

Я снова села на пол, сама схватила её руку, потянула к себе и стала ближе разглядывать следы от уколов.

–Тогда хотя бы объясни, – пробурчала я, убедившись, что они неглубокие, и их не больше четырёх. Я всё ещё злилась.

Женя уже собиралась начать рассказ, но взглянула куда-то за моё плечо и с испугом упала на кровать, спрятав лицо. Я в замешательстве оглянулась, но позади меня, конечно, никого не было. Наверное, галлюцинации.

Злости как не бывало.

–Женя! – я положила голову на кровать рядом с подушкой и стала гладить её по голове. – Женечка... ну скажи, что случилось?

Она перевернулась на спину.

–Это было год назад... Я познакомилась с несколькими ребятами, помнишь, я говорила?

Я кивнула. Год назад Женя познакомилась с парочкой сатанистов, они запудрили ей мозги какой-то «изысканной культурой». Я думала, они обычные готы, но тут было что-то другое. Эти двое стали таскать мою подругу в сомнительные «штаб-квартиры», где собиралась вся их свора. Она пару раз

звала меня, но я тогда сразу поняла, что с этой компанией лучше не связываться.

–И что?

–Помнишь, я ходила на их ритуальные собрания? Это началось тогда. Я не знала, что мне вкалывают, говорили, будто какие-то препараты, расслабляющие подкорку головного мозга, чтобы легче было войти в транс. Мол, в транс мы можем увидеть свои прошлые жизни. Дозы были совсем небольшие, поэтому я не переживала. Я далеко не сразу поняла, что это было на самом деле, меня просто смущал этот препарат, и я старалась как можно реже ходить на собрания. В конце концов, до меня дошло, на тот момент уже были сделаны четыре укола.

–Вот почему ты с ними поссорилась! – проговорила я. Мне стало паршиво. Господи, ну зачем я пускала её туда, почему не пыталась остановить, если чуяла нехорошее?..

–Теперь я пытаюсь завязать. Раньше со мной был Дима, но он уехал, поэтому я позвала тебя...

Я вздрогнула. У неё хватает сил переживать это вот так, без каких-либо средств и таблеток, бросать самым первобытным способом, и единственное, что ей необходимо, – это чтобы рядом кто-то был...

–Женечка...

Она судорожно вдохнула и сжалась в клубок, а я вскочила и вылетела за дверь.

Зачем я позволяла ей туда ходить?.. Почему всё сложи-

лось именно так? Ведь это всё навсегда оставит след...

Чёрт, столько времени! Моя подруга, которая вечно подсовывала мне что-то новое, которая всё время приносила мне огромные стопки собственносочинённых комиксов, которая всё время нарочно говорила во время прочтения книги или просмотра фильмов, что будет в конце, всё это время была в серьёзной опасности, а я даже и понятия не имела!..

Я запустила руки в волосы.

Насколько же ухудшилось её здоровье?.. Что это были за наркотики?.. Шрамов всего четыре, и за целый год они никуда не исчезли. Более того, они выглядят, как микроскопические синяки, значит, скорее всего, кололи неправильно, может быть, не попадали в вену... Тогда, возможно, эта гадость редко попадала в кровь. Может, не всё так плохо?..

Она сможет избавиться от этого. Она сильная, и ей уже хватило смелости отказаться от наркотиков, зная, что ей придётся пережить.

Я вернулась в комнату и сразу подбежала к кровати с намерением делать всё, чтобы помочь.

Потянулись тяжёлые, мрачные минуты; болезненный полумрак; жара в комнате, жара горячей кожи на лице, жара мокрых пальцев; приглушённые стоны... и бесконечные: «Всё будет хорошо», «Сейчас всё пройдёт», бесплодные нащёптывания успокоительных фраз...

У Жени были галлюцинации, она то начинала с кем-то разговаривать, то с кем-то спорила, то испуганно пряталась

под покрывалом. Пару раз даже бросила подушку куда-то в потолок.

Одно дело, когда видишь это в фильмах, и совсем другое – наяву. Особенно, когда это происходит с близким тебе человеком.

Один раз я, покусав губу, спросила: «Женя, где можно достать эту гадость?», на что она энергично отправила меня во всем известное место.

Иногда галлюцинации на время прекращались, тогда она просила меня что-нибудь говорить, и я пересказывала ей какие-то скучные книги и фильмы, стараясь, чтобы это звучало интересно. Но вскоре жуткие видения возвращались, и я уже не могла придумать, как это облегчить, и могла только обнимать Женю и баюкать её, словно маленькую. Так прошло полтора или два часа.

Женя снова притихла, дрожь стала уходить, дыхание – выравниваться. Я уже ничего не говорила, а просто гладила её по повлажневшим волосам, липнувшим ко лбу.

– Женя, – шёпотом позвала я, когда она почти совсем успокоилась.

Ответа не последовало. Я позвала ещё раз и поняла, что ломки закончились, и она уснула.

Её глаза были в изнеможении закрыты, бледные потрескавшиеся губы чуть приоткрылись, и из них вырывалось горячее, прерывистое дыхание.

Я ждала продолжения, но его не было. Значит, всё дей-

ствительно закончилось...

Мне в голову стали лезть разные мысли.

Я вспомнила других моих друзей, трёх братьев Лигуршинных: Андрея, Дениса и Вовку. С ними я познакомилась, когда мне было лет 7, на даче. Не знаю людей веселее. Они очень добрые и по характеру настоящие бойцы. Андрей занимается карате, хотя и не очень давно, раньше занимался боксом; Денис – кунг-фу, а Вова – айкидо. Я не раз спрашивала, почему они не пошли на одно боевое искусство, но внятного ответа так и не получила. Может быть, дело в том, что Андрей и Вова – фанаты японской культуры, а Денис – китайской, и знают о своих предметах почти всё, что может знать турист. И хотя я сама никогда этими странами не бредила, им всё же удавалось меня заинтересовать.

Денис и Андрей постоянно собачатся, а Вовка – кот Леопольд, который временами пытается их примирить. Мы стали друзьями давным-давно, после того, как они втроём защитили меня от каких-то подростков-хулиганов, которые меня дразнили. Они тогда были втроём, трое маленьких, воинственных мальчишек против двух детей ростом под два метра... и ни один из моих друзей не сдрейфил.

Они абсолютно разные, все трое, и каждого я люблю по-своему. Но одно точно – я их обожаю, как вместе, так и по отдельности, и вчетвером нам всегда было здорово.

Сейчас, вспоминая их, я подумала, так же ли я поступила бы, если бы кто-то из них попросил меня примчаться по-

среди ночи? Скорее всего, да. Беда никак не вяжется с их лицами...

–Ира.

Я вздрогнула. Кажется, тоже начала засыпать. Взглянула на Женю. К моему облегчению, её щёки чуть-чуть порозовели, глаза смотрели устало, но уже яснее.

–Тебе лучше? – шёпотом спросила я, садясь на пол, ставя голову рядом с подушкой на матрас и убирая с её лица мокрые пряди волос.

–Да, уже чуть-чуть, – хрипловато прошептала она и слабо улыбнулась. – Спасибо тебе...

–Да что ты, – я тоже улыбнулась и, привстав, осторожно прикоснулась губами к её мокрому лбу. – У тебя спала температура!

–Мне холодно, – пожаловалась Женя, слабыми движениями кутаясь в покрывало.

Я осторожно укутала её в одеяло, а потом снова села на пол так, чтобы моё лицо было наравне с Жениным.

Так прошло ещё полчаса. Она то засыпала, то просыпалась.

–Часто это бывает? – тихо спросила я.

–Раньше было чаще...

–Теперь лучше?

–Да. Мне один знакомый сказал, так и должно быть. Скоро пройдёт.

Я повернулась спиной, разглядывая стену и соседнюю пу-

стующую кровать.

– За сколько люди бросают? – ответ слышать было жутковато.

– Не знаю. По-разному. Зависит от наркотика. У этих сектантов средство очень слабое, его и наркотиком трудно назвать, но отходят от него довольно долго.

– Сколько?

– По-разному, – уклончиво повторила подруга. И, помолчав, прибавила, – Вообще-то, около полутора лет обычно.

– Ого, – вздохнула я, и мне показалось, что с плеч упала какая-то тяжесть.

Женя закрыла глаза и почти сразу уснула.

Теперь она спала крепко, не просыпаясь, судя по неподвижным зрачкам, без снов. Я просидела с ней ещё час и потихоньку выскользнула из её комнаты, когда уже начинало светать, оставив на столе записку: "Спокойной ночи, позвони мне, когда проснёшься".

В коридоре никого не было. Я прошла к выходу, на ходу вытаскивая из кармана ключи от машины. Впереди ещё предстоит обратный путь, а у меня глаза закрываются...

Уже на крыльце, где мне в лицо ударил холодный воздух, сзади кто-то цепко ухватил меня за руку повыше локтя.

– Ира!

Первым моим побуждением было бежать, куда глаза глядят. Но теперь, когда я столько наделала, это было бы очень глупо.

–Доброе утро, пап, – пискнула я, оборачиваясь и готовясь к взбучке.

–Так-так, свежая как огурчик, – тихо протянул папа. Под его глазами были синяки, на лице – следы волнения. Я поняла, что он, так же, как и я, не спал всю ночь. Мне захотелось обнять его, но я понимала, что делать этого нельзя.

–Прости, – тихо сказала я, отводя глаза.

Он молча отобрал у меня ключи. Чёрт, скорее бы уже начал кричать...

–Едем домой, – так же тихо и сурово сказал он и, так и не отпустив мою руку, потащил меня к машине.

Мне не хотелось думать о том, что ждёт меня дома.

Мы оказались в машине, и папа всем корпусом повернулся ко мне.

–Месяц из дома не выйдешь, ясно? – прошипел он. – Только в школу.

Тоже мне, напугал... Да для такого домоседа, как я, это рай.

–И если ещё хоть раз я услышу от тебя про эту Женю...

Гром и молнии!

–Папа! – воскликнула я. – А как бы ты поступил, если бы твоему другу было плохо?

Папа помолчал.

–Если бы он был, Ира.

–Вот поэтому его и нет!..

–Не смей так говорить с отцом!

Я проглотила слова, вертевшиеся на языке, и исподлобья наблюдала, как папа нервно заводит машину. Ключ застрял в замке и не желал поворачиваться, хотя, когда я несколько часов назад села в машину, она завелась с первого раза. Помучившись с ключом добрых полминуты, папа раздражённо шлёпнул ладонью по панели и повернулся ко мне.

– Дружба не то же, что семья, и ничего особенного в ней нет! – гневно заговорил он. – Это сейчас тебе важны друзья, но позже поймёшь, что на самом деле имеет цену. Друзья – это ложный ориентир, и они не стоят того, чтобы из-за них сходить с ума и рисковать! И потом, настоящий друг не позволил бы тебе всю ночь не спать ради него; Женя ведь знает, что у тебя школа, что тебе надо выспаться, почему она об этом не подумала?..

Я вспыхнула.

– Ты просто не знаешь, что с ней творилось! Ты ничего не знаешь, ты не имеешь права так говорить!.. – я осеклась, испугавшись своих слов.

– Хватит, я не хочу ничего о ней слышать! Мне всё равно, что с ней там творилось, это не повод...

– Да нет, был повод! – настойчиво закричала я, чувствуя, как горло перехватывает. – Почему ты не хочешь понять, пап?! Как ты можешь так говорить о дружбе, если у тебя самого никогда не было друзей? Дружба – эта та же любовь, только немного другая!.. И вообще, я уже не маленький ребёнок и сама хочу решать, что для меня важно!

–Нет, не можешь! – с неожиданной яростью перебил папа. – Твой сегодняшний поступок показывает, что ты ещё не в том возрасте, чтобы самой это решать. Ты ещё не в состоянии оценивать своё поведение и строить систему ценностей. И давай закроем эту тему.

–Папа! – закричала я, понимая, что это бесполезно. После фразы «закроем тему» папа уже ничего не слышит. Но ведь я ещё столько хочу ему сказать!

–Я больше не хочу об этом говорить.

–Ты ничего не понимаешь! – с обидой выкрикнула я, отворачиваясь. Слезы жгли глаза.

Мне было ужасно обидно, что папа, всегда такой понимающий и весёлый, теперь просто не желает даже прислушаться к тому, что я ему говорю. Моя жизнь – это моя жизнь, и, хочет он того или нет, в ней будут друзья; неужели папа не может этого понять?

–Знаешь что, пап, – уже не в силах держать всё в себе, выпалила я, – я не хочу, чтобы моя жизнь была такой же, как у тебя! Тебе не из-за кого вставать по ночам, кроме меня и мамы, и твоих родителей! Тебе бывает не с кем поговорить, не с кем отдохнуть от рутины, ты не знаешь, что такое, когда посторонний человек близок тебе, ты не признаёшь никаких уз без родства; а я так не хочу, ясно?! Я так не хочу! – папа хотел что-то возразить, но я не дала ему заговорить. – В жизни бывают ситуации, когда ты не можешь чем-то поделиться с родными, и в таких ситуациях ты одинок, у тебя

есть только семья, и ты хочешь, чтобы у меня тоже больше никого не было!

Я разревелась от злости, от обиды, от пережитого за эту ночь страха и напряжения, от раскаяния и сожаления о только что сказанном, от жалости к себе, от жалости к папе, от того, что причинила ему боль...

—Едем домой, — расстроено сказал он.

Машина поехала прочь от общежития.

* * *

Мы неслись домой по медленно оживающей улице. В машину светили фонари. Я редела в три ручья, и всё мне казалось несправедливым. Но что самое главное — зачем я столько наговорила папе? Мне безумно хотелось вернуть время назад и смолчать. Или сказать, но мягче, спокойнее... Мне хотелось обнять расстроенного, как-то сразу погрузневшего и осунувшегося отца, сделать всё, чтобы он снова был таким же весёлым, как и всегда, чтобы больше никогда его лицо не становилось таким усталым и постаревшим, чтобы больше никогда не проступали на нём следы давней тайной тоски, которые он, видимо, всегда держал в глубине души... а ещё лучше, чтобы этой тоски и вовсе не было! Чтобы никакие тяжёлые мысли, которые я ему напомнила своими словами, больше не заставляли его грустить...

Я глянула на него, и у меня всё задрожало: мне показав-

лось, что у него в глазах стоят слёзы. Ну почему я не промолчала?! А если бы подобное сказали мне?..

Папа крутанул руль. Машина вильнула на встречную полосу, и я невольно привалилась плечом к двери. Навстречу неслась серая иномарка, и папа, пробормотав проклятие, опять закрутил руль в противоположную сторону. Иномарка с шумным выдохом ветра пронеслась мимо.

Папа опять выругался и стал быстро крутить в другую сторону. Только сейчас я поняла, что что-то не так. Машину заносило к железкам, за которыми был овраг.

Я взглянула в окно, и живот словно подхватили крючком и потянули вверх.

–Пап, осторожно! – вскрикнула я, вжимаясь в сидение.

Машину закрутило; заскрежетал металл, взвизгнули шины, фары осветили железные ограждения.

Папа ругнулся, вдавил педаль тормоза в панель; завизжал мотор, в лобовое стекло ослепительно сверкнули фары мелькнувшего впереди джипа.

–Папа!..

Я зажмурилась, услышала, как папа снова закричал какое-то ругательство, потом снова визг, скрежет, ремень безопасности натянулся и врезался в живот...

...и всё погрузилось в темноту.

Глава III

Железная белая лампа светит прямо в глаза.

Люди в халатах.

Силуэты голов в медицинских масках.

Стук металла о металл. Шаги. Голоса, шорох, шум включившейся воды.

Красные разводы, взрывы, народ с поднятыми руками, чёрные звёзды.

Я лежала на боку, когда открыла глаза. Сначала всё поплыло, но вскоре выровнялось. Я увидела край подушки, тумбу, штатив с капельницей, услышала сквозь пронизывающий барабанные перепонки ультразвук слабое пиканье приборов; дверь была приоткрыта, и из-за неё в палату прорывался оранжевый луч света.

У кровати стояло несколько человек: два врача, тихо переговаривавшихся и смотрящих в бумаги, закреплённые у них на планшетах, и три пациента. Пациенты были бледные, в одинаковых белых пижамах и со странными неподвижными лицами, с тусклыми и неживыми глазами, глядящих на меня. Мне стало жутковато.

На виски что-то давило, в черепе пульсировала тяжёлая боль, глаза сами собой закрылись, я перекатилась на другой бок. Из руки что-то неприятно потащило, я отдёргнула кисть

назад и увидела, что к вене на запястье была протянута трубка капельницы с зафиксированным пластырем катетером.

Как же всё болит...

Что происходит? Почему я здесь?

Голова работала как никогда плохо, мозги еле ворочались, словно дождевые черви в луже. Ощущение, будто внутри черепной коробки сплошной туман, вязкий, как расплавленное масло.

Я с трудом открыла глаза. Врач, стоявший по другую сторону от кровати, изучающе смотрел на меня. Другие двое врачей, негромко о чём-то разговаривая, прошли мимо него и вышли из палаты.

– Ты уже очнулась? – подал голос оставшийся врач.

Я моргнула глазом, не придавленным подушкой. Наверное, вопрос был риторический.

Врач приблизился, взглянул на показатели на приборах, стоящих у кровати, и, повернувшись ко мне, сунул мне градусник под мышку. Я хотела встать, но голова словно взорвалась от резкой вспышки боли, я приготовилась к удару головой о продавленную подушку и почувствовала, как на затылок легла тёплая широкая ладонь и осторожно положила мою голову.

– Тебе ещё рано подниматься, – мягко сказал врач и пристально посмотрел мне в глаза, поочерёдно переводя взгляд с одного зрачка на другой. – Как себя чувствуешь?

– Скверно, – едва шевеля языком и губами, промямлила я.

– Голова болит? – проверяя по градуснику мою температуру, продолжал врач.

– Ага...

– Смотри в центр моего пальца, – доктор поднёс указательный палец к моим глазам и стал водить им из стороны в сторону.

Перед глазами снова всё плыло, и я с трудом тащила взгляд за пальцем врача.

– Ну, всё хорошо. Поспи немного, ладно? – врач встал со стула и вышел из палаты.

Я вяло посмотрела на закрывшуюся во второй раз дверь, перевела взгляд в противоположную сторону, к окну... и чуть не вскрикнула: в полумраке у окна стояли те же три пациента и так же неподвижно на меня смотрели.

Трое... или... минутку, нет, один. Они какие-то прозрачные, похоже, троится в глазах.

Нет, они... Я ощутила, что бледнею. Но я же не сошла с ума! Они разные, это три разных человека... Но, гром и молнии, почему они прозрачные?.. Что за бред?!

Может, кажется? Или... так...

Я закрыла правый глаз. Те же трое продолжали смотреть на меня, только я их видела абсолютно явственно.

Я закрыла левый глаз, а правый боялась открыть. Ведь, если они прозрачные, значит, правым глазом я их не увижу... Этого не может быть, конечно, что за ерунда?.. Не могла же я так сильно стукнуться головой, в самом деле...

Но если?..

Нет, надо посмотреть. Конечно, я их снова увижу, разве можно видеть людей только одним глазом? Чёрт, хватит трусить, это же глупости, открой глаз!..

Нет, не могу.

С глубоким вдохом я открыла оба глаза и взглянула на странных пациентов. Они были прозрачные. И на этот раз ошибки быть не могло: левый глаз видел их чётко, а оба – и людей, и то, что находится за их спинами.

Мне кажется, мне просто кажется, их нет. Я резко закрыла ладонью левый глаз.

Всё, проблема решилась сама собой, их нет! Их здесь нет! Я смело открыла оба глаза...

Снова трое.

Гром и молнии, что же со мной происходит...

Это просто галлюцинации. Да, так и есть. Ведь я, кажется, была в бреду? Может быть, даже под наркозом. Так что, конечно же, все эти незнакомцы лишь плод моего посттравматически воспалённого воображения.

Я протёрла левый глаз. Не помогает. Резко села, не обращая внимания на боль, стала яростно тереть виски, лоб, бить себя по щекам... чёрт возьми, они всё ещё здесь!.. Меня затошнило, и я быстро легла. Голова раскалывалась от движения так, что перед глазами пошли круги. Веки захлопнулись, дыхание сбилось...

Их там нет. Тебе просто кажется. От испуга туман в голо-

ве быстро рассеялся, как будто его пронзила молния, и стало свежо, как после грозы, как будто в черепной коробке трещал озон.

Сердце стучало, боль в голове постепенно утихала.

Просто глюки...

Я заставила себя открыть глаза. Всё это просто кажется...

В палате никого не было.

Вот так. Просто показалось. Может, они и были, но уже ушли.

Я снова закрыла глаза и ощутила себя в раю. Голова болела уже совсем несильно, сердце успокоилось, а в палате абсолютно точно никого нет... В голову стал возвращаться блаженный дым...

В палате!

Что я вообще делаю в больнице?

Я нахмурилась, разогнала вновь воцарившийся туман в голове и погрузилась в воспоминания.

Вот я сижу в комнате и делаю уроки... читаю книгу... нет, не книгу, комикс... нарисованный карандашом... Не мой. Кого-то, кто мне важен... Что за комикс? О чём? Точно, другие миры. Девочка с бледной кожей, голубыми глазами и выкрашенными в чёрный волосами с двумя розовыми прядями: одна, длинная, слева, вторая, короткая, в чёлке справа. Кто она? Моя подруга. Лучшая. Да... Женя Зайцева...

Что же со мной такое?.. Какого чёрта я здесь делаю?

Почему я не вспомнила Женю? Почему я ничего не могу

вспомнить? Как, как, как я оказалась в больнице?!

Что было с того момента, как я читала комикс?.. Кажется, день или два, не больше... Провал небольшой, но что же там было?.. А мама с папой, они знают, что я здесь?..

Я напрягла голову и пристально уставилась в крошечную темноту провала в памяти. Что же ты таишь?..

Проклятие. Я ничего не помню...

От попыток вспомнить голова опять разболелась. Я растерянно перебирала складки одеяла. Туман стремительно расползлся по пространству черепа, и у меня уже не было сил вспоминать.

Я стала погружаться в болезненно-крепкий сон...

Уже на краю сна в сознании шевельнулась паника. Что же со мной случилось?..

* * *

В окна палаты бил яркий солнечный свет, на улице так и стояли наполовину жёлтые, наполовину голые деревья, хотя шла уже четвёртая неделя октября.

Капельница сковывала движения, одеяло казалось тяжёлым металлическим пластом.

Я разглядывала палату. Похоже, сейчас середина дня, часов здесь нет. Зеркал тоже. Ещё пара кроватей, железные, даже матрасов нет. Рядом с моей кроватью стул, с другой стороны – тумба.

Открылась дверь, и в палате показался врач, с которым я разговаривала накануне. Он взглянул на меня и подошёл, у него в руке снова поблёскивал градусник.

–Как голова? – отдавая градусник мне, спросил он.

–Вроде, нормально, – хрипло ответила я и чуть-чуть приподняла голову с подушки, чтобы удостовериться, что всё действительно нормально. Голова тут же внутри завибрировала. – Нет, болит...

–Болит, когда двигаешься? – я кивнула. – Не вставай пока.

–А почему я здесь?

Голубые внимательные глаза остановились на моих глазах.

–Ты попала в аварию. Разве не помнишь?

–Нет...

Мы помолчали. Врач достал градусник и посмотрел показатели.

–Следи за моим пальцем, – велел он и принялся, как вчера, водить пальцем перед моими глазами.

–Почему в аварию? Когда?.. – попробовала расспросить я.

–Три дня назад. Ты пока отходишь от наркоза.

–От наркоза? Мне делали операцию?

–Нет. В ране на голове было много осколков.

–А...

Я молчала и пыталась нашарить в памяти эту аварию. Взглянула на руки. Царапины... Почерк Фрака. Мне пробрала дрожь.

Что же было?.. Что с Фраком? Что с родителями?

–Что это была за авария? – произнесла я, обращаясь к самой себе.

–Автокатастрофа, – откликнулся врач, усаживаясь на стул и что-то записывая на бумаге, прикреплённой к планшету. Этот планшет оставался лежать на стуле ещё со вчерашнего вечера.

Меня начало подташнивать.

–А родители? С ними что?

–Твой отец в соседней палате, у него сломано ребро и вывих колена. А в целом, всё в порядке.

На мгновение я успокоилась, но тут же снова заволновалась.

–А мама?

–Она тоже здесь, у твоего отца. К тебе пока никого не пускают.

–Угу...

Я тупо уставилась в пространство.

Значит, мы с папой были одни... Уже кое-что. Куда мы могли ехать? Откровенно говоря, мне редко приходится куда-либо ездить с кем-то из родителей. Но иногда... В голове что-то мелькнуло. Папа учил меня водить летом, тогда мамы в машине не было.

Ага, с чего бы он стал меня за руль садить, ещё и в городе?.. Или... а может, эту мысль мне память подбросила?..

Я закрыла глаза и снова вперила внутренний взгляд в чёр-

ную дыру. Мысленно спросила, впрочем, не надеясь на ответ: «Папа учил меня водить?» Подсознание лукаво помалкивало.

–С какого момента ты всё забыла? – спросил между тем врач.

–Не знаю, – встrepенувшись, сказала я, – возможно, весь день аварии...

–Вас привезли утром.

–Значит, ночь перед аварией... И половину дня ещё...

Утром? Может быть, папа вёз меня в школу?.. Да ну, я пешком хожу, идти-то два шага. Да папа и уезжает на работу, когда я только умываюсь.

Но я ведь должна всё вспомнить?..

–Значит, частичная амнезия.

Я вздрогнула.

–Такое часто бывает после аварий? Это навсегда?

Врач улыбнулся и сунул записи в просторный карман белого халата.

–Я не думаю.

Он встал и направился к выходу, у дверей прибавив:

–Скоро обед будет.

–Подождите! – едва он шагнул за дверь, торопливо позвала я.

–Да?

–Здесь вчера были три пациента, – я пытливо посмотрела на врача.

Он удивлённо моргнул, затем оглядел палату и снова растерянно взглянул на меня.

—Здесь никого не было, — сказал он.

Значит, всё-таки глюк. Со вздохом облегчения я взглянула на дверь — врач всё ещё стоял на пороге и, нахмурившись, разглядывал меня. Затем молча вышел.

Я снова принялась копаться в воспоминаниях. Всё, что у меня есть, единственная зацепка, единственный вариант — папа учил меня водить. Но как мы попали в аварию? Разве папа мог это допустить? Если бы была хоть малейшая опасность, что мы попадём в аварию, он не подпустил бы меня к рулю. Нет, пожалуй, никто ничему меня не учил.

Ещё и утром...

Даже предположений нет.

Я снова закрыла глаза и постаралась ни о чём не думать.

Звуки стали сливаться в гул: пиканье, голоса за дверью, шаги... Сон мелкими шажками наступает на мою голову, проходит по векам, сковывает мысли...

Тут в моём сознании постепенно приоткрылась какая-то дверца, и из-за неё полились звуки, слова, чувства, картинки... глаза резко распахнулись.

Расстроенный папа. Фонари светят в окно. У меня быстро бьётся сердце. Что-то застилает взгляд... слёзы. Машина мчится вперёд чуть быстрее, чем обычно, и свет фар расплывается по асфальту, деревья и дома за окном сливаются в сплошной тёмный фон, слёзы льются ручьями, снова папа...

Почему он такой грустный?.. Почему я хочу извиниться? Да, точно, мои слова, дело в них. Но что такого я могла сказать ему?

Я судорожно цеплялась за неожиданно нахлынувшие воспоминания умом, но они выскользывали. В последний раз я напрягла память и попыталась вытянуть что-нибудь ещё о том дне, но картинки исчезли. Дверца снова захлопнулась.

Я с досадой ударила кулаком по кровати и вдруг поняла, что сижу. В подтверждение у меня закружилась голова, начало тошнить, и я поспешно улеглась.

Наверное, обед мне лучше не есть.

Через час медсестра привезла железную тележку с тарелкой супа и ещё одной – с гречкой и курицей. В дополнение над тарелками возвышался стеклянный стакан с компотом. Стандартный больничный обед.

Медсестра взяла у меня кровь на анализы и даже попыталась кормить (вставать мне было нельзя), но я наотрез отказалась есть.

Весь день я пыталась вспомнить хоть что-то ещё, несколько раз заходили медсёстры и врач, но больше никого ко мне не пускали.

Один раз появилась пациентка, девушка с рыжими волосами, она тоже казалось прозрачной. Как и трое вчерашних, она молчала. Как и трое вчерашних, повергала меня в ужас. Я даже собиралась позвать кого-нибудь, сказать, что в палате посторонние, но не успела – девушка исчезла, едва я отвер-

нулась. От этого стало ещё неуютнее: это жутко, когда в любой момент может появиться кто-то, кого ты видишь всего лишь одним глазом.

Голова болела уже не так сильно, как до этого; наркоз всё ещё туманил сознание, но я уже могла соображать. И происходящее мне совсем не нравилось.

Глава IV

Прошло 5 дней.

Я продолжала упорно раз за разом штурмовать провал, по ночам видела мутные сны: то снова расстроенный папа, то почему-то Женя с бледным лицом и лихорадочно блестящими глазами, то парк аттракционов, то Фрак в мыле... Все эти картинки казались мне полнейшим бредом, сливались в одну, выстраивались то в один сюжет, то в другой, то в третий и доводили до ручки. Меня мутило при виде машин за окном, кидало в дрожь от слова «наркотики», бил озноб от попыток представить аварию, мучила боль при мыслях об отношении к дружбе...

Вскоре я поняла, что пытаться вспомнить бесполезно, и стала просто ждать тех вспышек, что на меня иногда накапывали. Жить с провалом в памяти было ужасно неудобно и непривычно, словно перед глазами всё время чёрное слепое пятно, скрывающее от зрения нечто важное... Это как если бы я знала, что не в состоянии увидеть предметы или что откуда-то в меня целится снайпер. Мне всё время казалось, будто за моей спиной кто-то стоит.

В придачу я несколько раз увидела тех мужчин-пациентов, и с каждым разом они становились всё более ужасающими. Может быть, это была одна из причин, по которой мне

чудилось, будто рядом всё время находится кто-то ещё.

Я уже не могла спокойно есть, пить, спать, я постоянно ждала, что они снова появятся и будут так же неподвижно смотреть на меня, ждать чего-то, чего-то безмолвно требовать, угнетать своим присутствием, молчаливые, бледные и – что самое ужасное – видимые лишь левым глазом.

Сколько бы я ни говорила о них моему врачу, Петру Ивановичу, он только качал головой и повторял: «Нет, сюда больше никто не приходил.» Это пугало ещё сильнее: неужели этих ребят больше никто не видит?..

Если не считать этих двух обстоятельств, мне было намного лучше, уже можно было вставать, но посетителей пока не пускали.

Утром шестого дня Пётр Иванович сообщил, что сегодня ко мне придут родители. Мне уже давно хотелось увидеться с папой, поскольку я поняла из обрывочных воспоминаний, что он был со мной во время аварии, а также что чем-то его очень расстроила, и мне не терпелось убедиться, что он больше не грустит и что с ним всё хорошо. Маму мне тоже ужасно хотелось увидеть, рассказать о пугающих меня людях, ниоткуда появляющихся у окна и молча сверлящих меня стеклянными глазами. И узнать, наконец, что случилось.

Папа пришёл сразу после завтрака. Когда он зашёл, улыбающийся, радостный, с перебинтованным корпусом и хромающий, я едва не закричала от радости. Мне было страшно, что я снова увижу пациентов, и, когда папа пришёл, по-

явилась успокаивающая уверенность, что, даже если они и появятся, то мне ничего не грозит.

–Ну ты как? – едва сев на кровать, спросил папа. – Как самочувствие? Мне врач сказал, ты всё забыла?

Я хотела ответить, и тут внутри что-то дрогнуло, и в памяти неожиданно всплыло:

«-Знаешь что, пап, я не хочу, чтобы моя жизнь была такой же, как у тебя!..»

На заднем плане сознания мелькнула мысль: неужели это я могла говорить?

«-...ты одинок, у тебя есть только семья...»

«-Друзья – это ложный ориентир, и они не стоят того, чтобы из-за них...»

«-Ты ничего не понимаешь!»

«-Ты ещё не в состоянии оценивать своё поведение...»

«-Я так не хочу!»

Прилив раздражения и энергии, рвение сопротивляться, потом страх, сожаление и острая жалость, сильное желание повернуть время вспять и всё исправить... и то, что я всегда испытываю, когда мне плохо – «скорее бы всё это закончилось»...

Боже, ну как я могла сказать такие слова?! Почему?

«-...ты не признаёшь никаких уз без родства...»

«-Вот поэтому их и нет!»

«-ТЫ ОДИНОК!..»

Гром и молнии! Не узнаю саму себя!

Я вздрогнула, зажмурилась, провожая последние слова и картинки обратно в недра памяти, а затем взглянула на озабоченно и взволнованно разглядывающего меня папу и вдруг расплакалась. Папа бросился меня успокаивать. Я тут же прижалась к нему и заскулила:

–Папуля, прости меня, пожалуйста!..

–Ну что ты, дочур, – растерянно бормотал папа, обнимая меня. Конечно, он давно простил.

–Не надо было мне так говорить...

–Ты всё правильно сказала, Ириша (я ненавижу, когда меня называют Иришей, но сейчас мне было глубоко фиолетово). Ты была права.

Я, хлюпнув носом, отстранилась, чтобы увидеть его лицо.

–Права?..

Папа прижал меня к себе и, поставив подбородок мне на макушку, сказал:

–Да. Я подумал над твоими словами и понял, что дружба и впрямь очень... важная составляющая. Ведь, если бы это был пустой звук, разве моя дочь сбежала бы из дома и стала бы рисковать? Теперь я вижу, что друзья тебе необходимы, и, знаешь... я бы хотел тоже иметь такого друга, как ты. И, пожалуй, хотел бы быть таким другом, как ты. Поэтому ты, наверное, права.

Я сидела, прижавшись носом к папиной груди, и проворачивала в голове фразу «сбежала из дома». Я что, правда сбежала?.. Если да, то ясно, почему мы поссорились... Только

ведь мы с ним спорили насчёт дружбы. При чём тут это? Почему я не помню из нашего спора ни единого слова о моём побеге? На мгновение в памяти всплыла мутная картинка с Женей. Неужели мы ссорились из-за неё?

—Я на днях помирился с моим бывшим другом, — тем временем продолжал папа. — Он приехал в больнице самый первый, даже маму опередил... я думал, что ему давно безразлично.

—Что? Ты помирился со своим другом? — встрепелась я. Мысли о том, что случилось, тут же вылетели из головы. Я быстро и с надеждой посмотрела на него, — Ты не шутишь?

—Как ни странно, нет, — сказал папа задумчиво.

—Это же замечательно! — протянула я радостно и вместе с тем удивлённо.

—Да, — он улыбнулся, и в его улыбке было тепло. — Это действительно замечательно... — и он снова привлёк меня к себе и тихо добавил, — Я так горжусь тобой!

Мы посидели немного молча, обнимаясь. Было очень спокойно, уютно и уже совсем не страшно. Весь страх с приходом папы исчез.

—Пап, — наконец, нарушила молчание я, — ты сказал, я сбежала из дома?

Папа отодвинулся и кивнул.

—Да. Ночью тебе позвонила твоя подруга, а мы с мамой отказались везти тебя к ней. Тогда ты просто взяла ключи от моей машины и поехала в общежитие сама.

–Ого... Я? – недоверчиво пробубнила я.

–Не помнишь?

–Нет, ничего... Даже весь день до этого не помню.

–У нас был День Тёплой Осени, – улыбнулся папа.

–Тёплой? – я красноречиво посмотрела в окно. Надо сказать, последние дни только что наступивший ноябрь был полностью в своём репертуаре: холод, ветер, даже снег. Я редко смотрела в окно, потому что боялась увидеть у подоконника людей-не людей, но трёх взглядов на погоду и холода по ночам мне хватило.

Папа засмеялся.

–Да. Мы были в музее, потом в парке аттракционов, не помнишь? Ты даже осмелилась прокатиться пару раз.

–Разве аттракционы ещё работают?

–Сейчас уже нет, но несколько дней назад многие работали, потому что погода стояла очень тёплая.

Из темноты выскочил парк, я стою у какого-то аттракциона и пытаюсь разглядеть родителей.

–Плохо помню.

–И не помнишь, что случилось с Женей?

Вот этого-то я и боялась...

–А с ней что-то случилось? Она в порядке?

–Я не знаю, – папа пожал плечами, – ты не рассказывала. Только сказала, что с ней происходило что-то плохое.

Ах да, в моих репликах из ссоры было что-то такое...

–А сейчас как она?

–Ира, я не знаю! Она звонила на домашний телефон, волновалась, сказала, что твой мобильник не отвечает.

–Она знает, что я здесь?

–Да, мама ей сказала.

Я пожевала губами.

–Пап...

–Да?

–Знаешь что? Сюда всё время какие-то люди приходят, – несмело начала я.

–И?..

–Они меня пугают.

Папа нахмурился.

–Что за люди?

–Вроде пациентов. Иногда трое мужчин, а иногда девочка. Они очень бледные, всё время появляются ниоткуда, – я вспомнила этих пациентов, и меня пробрала дрожь, – всегда вон там, у окна... И никогда ничего не говорят, я не могу заговорить с ними.

–А зачем врач их пускает? – хмурясь, спросил папа.

–Я не знаю... он вообще всегда говорит, что никого сюда не пускали, и никаких пациентов здесь не было. Они иногда прямо за его спиной стоят, а он и не видит.

Папа молча рассматривал меня.

–Ты не веришь мне? – у меня в голове защекоотало от страха. А вдруг он правда не поверит?..

–Почему же, верю, – медленно сказал он, продолжая при-

стально на меня смотреть.

–А ещё я их только левым глазом вижу, – осторожно закончила я.

Повисла тишина.

–Что значит, только левым глазом? – настороженно переспросил папа, когда пауза слишком затянулась.

–Ну, они прозрачные... Бывает, ты лежишь на боку, и один твой глаз видит только подушку, а другой – её край и всё остальное. Когда оба глаза открыты, ты как бы сквозь край подушки смотришь. С одной стороны, ты видишь и подушку, с другой – и то, что находится дальше, что скрыто от одного глаза, но видно другому... Понимаешь?

–Доча, нельзя видеть людей только одним глазом, – мягко заметил папа, глядя на меня так, словно видел впервые. – Может, тебе кажется? Или снится?

–Я же говорю, они появляются иногда одновременно с врачом, не могу же я спать в такие моменты!.. И казаться они мне тоже не могут. Я ведь не сошла с ума! – я повторяла всё то, что часто говорила самой себе и в чём уже сильно сомневалась.

Папины глаза метнулись к ране на моей голове, она была справа.

–Ириш, тебе просто надо отдохнуть и постараться всё вспомнить.

Он считает, что это просто усталость?

–Но, пап... Я же их вижу... Мне уже гораздо лучше, я ото-

шла от наркоза, даже голова почти перестала болеть. Но они как появились в первый день, так и не исчезают!..

–Значит, не исчезают. Ты только не бойся их, и они исчезнут, – неожиданно покладисто сказал папа.

Я смотрела на него, пока не поняла, в чём дело.

–Ты считаешь, я свихнулась?

–Нет, конечно, ты что! Просто не думай о них, ладно? – торопливо ответил он, успокаивающе глядя меня по голове.

–Папа!

–Просто не думай.

–Пап! Я видела их!

–Знаю-знаю...

–Я правда их видела, своими глазами, то есть одним...

–Конечно, видела...

–Папа! Это правда!

–Конечно, правда, тебе просто надо отдохнуть.

У меня перехватило дыхание. Почему он не верит мне?! Баюкает, будто я маленькая или сумасшедшая, успокаивает, соглашается... У меня защипало глаза.

Я-то думала, поделюсь с ним, и он поймёт, я будто была не одна; думала, хотя бы папа защитит от всепоглощающего одиночества и страха, а он... Он решил, что у меня галлюцинации! Или просто капризы больной... Или шизофрения! В горле встал ком. Это было чистое предательство.

–Папа!

–Ну, всё, всё, – он обнял меня и прижал к себе снова.

Я не отстранилась, а наоборот, сама прильнула к нему и разревелась с неосознанным желанием, чтобы его душа услышала крик моей и поняла его, хоть сколько-нибудь...

«А на что ты надеялась? Кто вообще такому бреду поверит?» – злорадно зашуршал в голове тоненький омерзительный голосок.

И ведь действительно, самый логичный вывод в подобной ситуации – это то, что я рехнулась.

Только вот папе я этот логичный вывод простить не могу. Пусть другие крутят у виска пальцем и не верят, но чтобы тебя бросил родной человек... Ведь родители – это те люди, которых зовёшь, когда тебе плохо. К кому ещё обратиться, если не к ним?

Обратилась...

–Ира!

Мама! Вот кто никогда не станет принимать меня за безумную.

–Мама! – радостно воскликнула я, словно утопающий, которому кинули спасительный круг.

«-Что, Фраклик, она тебя обижает?»

«-Сейчас тебя туда никто не повезёт...»

Мы ходим по полумраку краеведческого музея, гуляем по парку...

Мама у плиты с мокрым котом на руках... Ах да, я его мыла, вот откуда царапины!

Ночь «Тебя туда никто не повезёт...».

Мама подошла к кровати, мы обнялись и просидели так довольно долго. Наверное, спокойнее всего человеку именно тогда, когда он обнимает маму или папу.

–Как себя чувствуешь? Что случилось? – увидев мои слёзы, встревожилась мама.

–Мам, прости, пожалуйста, – вспомнив про побег, попросила я.

–Всё хорошо, не извиняйся.

От этой фразы слёзы потекли сильнее. Как можно говорить «не извиняйся» после этой дурацкой ночи, когда я куда-то уехала на папиной машине?

–Ты всё вспомнила? – тем временем расспрашивала мама.

–Не всё, но уже кое-что, – мне захотелось улыбаться. Страх вновь ушёл.

–Ты помнишь, как сбежала из дома?

–Ну... размыто, – я покривила душой: побег у меня вообще не всплывал. Мне просто хотелось поскорее рассказать маме про странных пациентов, в которых папа не поверил.

–Взяла папину машину и уехала... Повезло ещё, что до общежития добралась! Никогда так больше не делай!

–Я знаю, мам, – тихо сказала я. – Знаю... Больше никогда... до 18 лет.

–И после!.. Пока не научишься водить.

–Ладно.

–Да мы сами виноваты. Надо было отвезти. Догадаться, что всё равно не остановим тебя, – мама невесело улыбну-

лась. – Упрямства тебе всё-таки не занимать...

Я бываю очень настырной, это правда. Но сначала мне нужно сильное желание... что же такого сказала мне Женя, что я так рискнула?

–Тогда в следующий раз отвезите меня.

–В следующий раз у нас выбора не будет, – заметил папа. – Ты начала бунтовать.

Я посмотрела на подушку. Слышать это было почему-то приятно.

–Мама, – начала я, подумав о теме, которая меня тревожила.

–Наверное, надо тебя записать в автошколу, – прибавил папа.

–Да, наверное... Мам...

–Хотя бы просто теория, пока тебе нет 18 лет. Там же не берут несовершеннолетних?

–По-моему, нет, – мама решила поддержать папину тему.

–Мама!

–Да?

–...Хотя чего, практики нам и так уже хватило, – настойчиво продолжал рассуждать папа.

Я чуть не зарычала. Ну нет, он не собьёт меня с толку!

–Мама, я хочу тебе кое-что сказать!

–Ира, – укоризненно произнёс папа, сдавшись.

–В чём дело? – мама заволновалась.

–Сюда приходят какие-то люди, которых почему-то боль-

ше никто не замечает, – я внимательно смотрела на маму. Поверит ли она мне?..

–Что за люди такие?

–Я не знаю, мне кажется, это пациенты. Только их больше никто не видит. Никогда ничего не говорят...

–Ира, прекрати сейчас же! – мрачно велел папа.

–...и всегда появляются у окна, просто как будто из воздуха.

Мама слушала очень внимательно, не обращая внимания на папины попытки заставить меня умолкнуть. У меня укрепилась надежда, что она мне поверит.

–Самое главное, я их вижу одним глазом. Только одним, левым, – и, торопливо сказав это, я умолкла.

Взгляд мамы не изменился, она молча ждала объяснений.

–Только одним, – немного погодя, повторила она.

–Ага, – я осторожно кивнула.

Мама медленно перевела взгляд на папу. Они долго смотрели друг на друга, будто совещались без слов, потом мама протянула:

–А тебе они не кажутся?

–Кажутся? – у меня упало сердце, я неверящими глазами смотрела на маму.

–Если только одним глазом...

Наверное, на моём лице выразился ужас, потому что мама поспешно прибавила:

–Ну, если ты так уверена, что они есть, опиши их.

Я облизнула пересохшие губы. Ещё есть надежда. Мама готова поверить!..

—Они... Трое мужчин и одна девочка, — я не знала, с чего начать. — Один мужчина такой высокий, плотный, моложе других, может быть, спортсмен, смуглый, и у него каштановые волосы... и да, у него очень высокий лоб... Второй ниже ростом, седой, худой, с осунувшимися щеками и кругами под глазами. У него один глаз немного прикрыт... И третий, среднего роста, с пузом, щетиной, ему приблизительно 35... На лбу много морщин, глаза острые, то есть, не глаза, а взгляд, — и я поспешно нарыла в памяти образ девушки, — И девушка, совсем молодая, может быть, лет 19-ти, у неё рыжие волосы, большие губы, веснушки, глаза карие с зеленоватым оттенком, а ещё...

—Всё, достаточно! — перебил папа. — Это уже выдумки!

—Выдумки?! — я сорвалась на крик.

—Постой, — обратилась мама к папе и повернулась ко мне. — Что ещё?

—У неё шрам на шее и щеке. Длинный, от скулы до ключицы, — обиженно глядя на папу, буркнула я.

Снова молчание.

—Вот как, — проговорила, наконец, мама.

Я с опаской посмотрела на неё, а она — на папу. Спасательный круг выскользнул и сдулся. Мама приняла папину сторону. Это было видно по выражению её лица.

—Я, по-вашему, слетела с катушек? — спросила я, чувствуя

глухое одиночество. И неожиданно для самой себя заорала, – Ну и не верьте! Я их всё равно вижу!

Мне показалось, что огромные руки сбросили меня в бездну, где только темнота, и больше ничего и никого... только я и пожирающий всё моё существо страх.

Родные люди бросили меня наедине с призраками!..

Это был первый раз, когда я мысленно окрестила их призраками.

–Ира, это пройдёт, – заявил папа.

–Надо просто подождать. Это просто твои фантазии, – вторила мама.

–И ничего больше!

–Ты ведь сама понимаешь, что их нет.

–Такое бывает, если сильно ударишься головой.

–Врач сказал, ты тяжело отходишь от наркоза, и возможны галлюцинации.

–И потом, у тебя было сотрясение мозга.

–И трёхдневный обморок.

–После обмороков реальность, как правило, не сразу воспринимается.

–Тем более, три дня!

–Замолчите уже! – ни на кого не глядя, тихо произнесла я.

Теперь я одна. Говорить что-то бесполезно, только в больницу залечу. Да и никто в здравом уме мне не поверит, даже слушать не станет. Может, мне действительно только кажется?..

Нет! Нет же, нет!.. Я их вижу, постоянно, ежедневно, как такое может казаться?! Я с точностью их описала!

Посмотрела на маму, и тут из-за её спины на меня взглянули два ввалившихся глаза.

Тут меня впервые замкнуло. Нитки паники резко связались друг с другом, ведь даже сейчас, когда родители рядом, я всё равно одна... и мне никто не поможет.

–Вон они, те трое, – одними губами шепнула я, бледнея и глядя на прозрачных мужчин у окна.

Мама чуть вздрогнула, глянула на папу и медленно, осторожно оглянулась.

–Там никого нет, – успокаивающим тоном сказала она, оборачиваясь ко мне с видимым облегчением и одновременно недоверием и страхом.

–Дочур, здесь только мы, – заверил папа, стараясь урезонить меня. В его голосе тоже слышался испуг.

–Ты кого-то видишь сейчас?..

Я их не слышала. Не в силах оторваться, я смотрела на призраков, и их глаза словно что-то искали в глубине моих глаз, словно засасывали меня.

«Ты видишь нас» – вдруг зашипело в голове. Хриплый и жуткий мужской голос, и в нём была такая злоба и ненависть, что по позвоночнику проехала ледяная волна, и я, не помня себя от ужаса, закричала:

–Уходите! Прочь! Я больше не хочу вас видеть! Уходите!..

Я верила, что они слышат меня, и они слышали.

Их голоса в голове сливались с моим собственным криком и голосами мамы и папы, судорожно пытающихся меня успокоить.

Меня начала колотить дрожь, я продолжала орать во всё горло, потом истерика сломила внутри меня какую-то плотину и дала волю рыданиям.

Потом, кажется, в палату вбежали врачи и медсёстры, и я почувствовала, как родительские руки сменились руками докторов, быстро растирающими внутреннюю сторону моего локтя ватой со спиртом, прижимающими мою голову к подушке, держащими вторую руку и обе ноги.

Укол – и рвущиеся изнутри истошные крики постепенно растаяли где-то в горле, глаза медленно застелил туман, на тело навалилась тяжесть, руки и ноги ослабли...

–Покиньте палату, пожалуйста...

–Это пройдёт? С ней всё в порядке?

–Это успокоительное. Приходите завтра, сегодня к ней больше нельзя.

–Снотворное!

Дальнейшие фразы я уже не расслышала. В ушах зазвенело, и я провалилась в сон.

* * *

-Ира.

Я сидела в каком-то кабинете перед врачом в очках и с по-

что лысой головой. Кто он, меня не волновало. Я с досадой и равнодушием одновременно вспоминала, как меня вырубило успокоительным. Кажется, всё ещё действует.

–Значит, ты видела там пациентов.

Это был не вопрос, но я на всякий случай кивнула.

–В палате.

–Угу.

–Ира, взгляни вот сюда, – врач вытащил листочки с чернильными кляксами и показал мне один, – что это?

–Я что, сумасшедшая, чтобы меня тестировали? – все чувства всё ещё были приглушены и заперты, но где-то за засовами снотворного шевельнулся гнев.

–Тестируют не только сумасшедших. А в тебе тут никто и не сомневается. Что ты здесь видишь?

Я склонила голову вбок.

–Похоже на бабочку.

–Хорошо. А здесь? – следующий лист.

–Дракон.

–Здесь?

–Дети играют.

–Здесь?

–Чего вы добиваетесь?

–Что ты здесь видишь?

–А вы?

–Ира, что тут изображено?

–Что вы хотите, чтобы я сказал? Это клякса.

Врач поднял бровь.

Мозг еле шевелился, и мне совсем не хотелось думать о том, что же я вижу.

– Лев грызёт антилопу, – я сказала, чтобы что-то сказать. – А так, – склонила голову, – единорог, – это уже было сказано искренне.

– Хорошо, – врач убрал листы. – Когда ты в первый раз увидела людей, которые тебя пугают?

– В первый день, когда открыла глаза после аварии.

– Ты с ними разговариваешь?

Я помолчала. Сказать ему, что их голоса звучат в моей голове? Нет, не стоит.

– Нет.

– Они просто появляются?

– Да.

– Может, чего-то хотят?

– Не знаю. Нет.

– И ты видишь их одним глазом?

– Да.

– Расскажи о них немного.

– Что рассказать?

– Ира, ты не хочешь продолжать разговор?

– Не хочу.

Врач кивнул, пожевав губами.

– Тогда ступай к себе.

Я молча смотрела на него и не могла поверить своим

ушам. Он сказал идти?.. Он что, меня отпускает? Все последние дни мне почти ничего не давали сделать самой, ограничивая свободу до движений на кровати, переворотов, мыслей и дыхания. Остальное мне запрещали, чтобы не спровоцировать головную боль или тошноту. А тут так просто «ступай»...

—Что же ты? Иди, — повторил врач, что-то записывая и, видимо, больше не собираясь обращать на меня внимание.

Я встала и вышла в коридор. Меня никто не остановил. Держу пари, врач даже не взглянул на закрывшуюся за мной дверь.

В коридоре было пусто. Я медленно двинулась к своей палате, не оглядываясь по сторонам, чтобы случайно не зацепиться взглядом за призрака.

Последние пару дней мне можно было вставать и даже чуть-чуть ходить, но я нечасто этим пользовалась, потому что меня сильно пошатывало. Я оперлась на стену и приостановилась, чтобы перевести дыхание (у меня ещё сохранялась слабость от потери крови, лекарств и нескольких дней, проведённых в кровати, поэтому движения вызывали некоторую усталость). Глаза непроизвольно скользнули по полу, и тут... Ноги в ботинках. Явно не мои.

Я подняла глаза, и всё внутри упало от страха, а тело парализовало холодом. Прозрачный мужчина... Боже, я его знаю! Тот лысый из джипа, что пристал ко мне, когда... Когда я ехала куда-то?.. К Жене? За рулём?.. Минутку...

Ведь я его помню, точно помню...

Я еду по пустой дороге, рядом едет чёрный джип, мужчина выглядывает из окна, улыбается...

«-Поехали лучше в клуб?»

«-Машина чья, отца? Мамы?»

«-Включи фары...»

Но почему он прозрачный?.. Почему? Что с ним?..

Он молчал. Я не заметила тогда, что у него такие мрачные глаза, потому что тогда он улыбался, а сейчас – лишь пристально смотрел на меня.

Пусть он уйдёт. Пусть исчезнет.

Лекарства не давали мне испугаться по-настоящему и броситься бежать, поэтому я просто стояла и смотрела на лысого мужчину.

Уйти. Уйти отсюда, да поскорее. Убежать!

Я повернулась и рванула прочь, вломилась в палату, бросилась на кровать, забилась под одеяло, зажмурилась, мечтая уснуть или снова потерять сознание...

Куда мне от них деться? Кто поможет?

Глава V

–Ну, всё хорошо, что хорошо кончается, – Пётр Иванович улыбнулся. – Скоро можно будет тебя выписывать.

Я представила себя на улице. Боже, сколько же их там, наверное...

–Я скоро отсюда выйду, да?

–Говоришь так, будто ты в тюрьме, – врач засмеялся.

–Девочка умерла от скачков давления, – вдруг произнесла я, вспомнив девушку со шрамом.

За последнюю неделю я ещё несколько раз сорвалась из-за призраков в присутствии родителей, и они всё чаще стали замолкать, стоило мне появиться рядом, всё чаще стали бросать на меня сочувствующие-заботливые взгляды, тревожно переглядываться... А ещё я поняла, что люди, которых я вижу, мертвы. Это призраки тех, кто умер в этой палате, в этой больнице.

Они по-прежнему приводили меня в ужас, но я уже начала привыкать к ним и даже могла поворачиваться к ним спиной. А ещё они уже могли давать мне какую-либо информацию. Иногда, когда я смотрю на них, голову наполняют смутные образы, обрывки их жизней, а порой возникают даже их мысли.

Но я чувствовала себя глубоко одинокой. Никто мне не

верит, смотрят всё чаще как на сумасшедшую, а страх всегда за спиной, как чёрный ворон, носится вокруг, то и дело посылая своих стражей, прозрачных людей со стеклянными глазами... Бежать было некуда. И это глухое жестокое одиночество сковывало всё внутри и опустошало.

Сейчас меня очень даже обрадовало то, что я, наконец-то, попаду домой, но ещё сильнее напугало то, сколько призраков я там увижу.

Пётр Иванович слегка поджал губы.

–Спасибо за сведения, – он находился в пограничном состоянии между неверием и мыслью, что я действительно могу видеть тех, кто уже мёртв. Порой он готов был поверить мне, особенно, когда я передавала ему что-то, что мне говорили они. Тогда он слушал меня внимательнее, чем обычно, и даже задавал вопросы, а потом долго думал, кивал и заканчивал всегда так: «Спасибо за сведения». Эти моменты заставляли меня чуть-чуть оттаять. Конечно, врач не мог поверить мне до конца и был недоволен, когда я говорила о них, но всё же относился к моим словам серьёзно. Эти редкие минуты, когда он выслушивал меня, спасали меня от настоящего безумия и полной потерянности.

–Кстати, к тебе тут гости, – чуть встряхнув седой головой, словно отгоняя наваждение, прибавил Пётр Иванович и, улыбнувшись, вышел.

Через мгновение дверь вновь открылась, и в палату ворвалась вспышка ослепительно яркого, режущего глаза красно-

го цвета. Когда в глазах перестало рябить, я разглядела в обрамлении алых прядей тонкие черты лица и голубые глаза.

–Женя, – не то спрашивая, не то утверждая, протянула я удивлённо.

Да, это была моя подруга, с выкрашенными в красный волосами и в красной в тон волосам одежде.

–Тебе... э... идёт, – добавила я. Если честно, красный меня немножко нервирует, да ещё и такой яркий.

–Ира! – выпалила она, широко улыбаясь, как Дед Мороз, вихрем пронеслась через палату к кровати и крепко обняла меня.

Мне в нос ударил запах, характерный только Жене, запах, похожий на запах акварельных красок или восковых мелков для рисования. Раньше я была уверена, что это духи. Теперь знаю, что это не так, ведь у каждого человека есть свой собственный особенный запах.

Женин запах был немного удушливый, но приятный, хотя и своеобразный, и в голове у меня мучительно что-то завертелось, из подсознания стали вырываться картинки: я сижу в общежитии около её кровати, она лежит лицом в подушку, и её бьёт сильная дрожь, мне страшно и плохо, и хочется, чтобы весь этот кошмар поскорее закончился, но он не заканчивается, Жене всё хуже, и я не могу ничем помочь...

Я схватилась за голову, которая словно трещала от цунами воспоминаний, рвущегося из океана памяти. Я вспомнила всё, все минуты, проведённые ночью у Жени, даже прось-

бу в записке позвонить мне утром, даже то, как папа поймал меня на крыльце, даже то, какие многолюдные были коридоры общежития, несмотря на поздний час, когда я туда приехала. Я вышла из папиной машины, значит, и впрямь приехала туда сама... Невероятно! Но вот поездки никак не вспомнить...

Всё это пролетело в голове в несколько секунд, и вот я снова повисла у подруги на шее.

–Всё хорошо? Как ты себя чувствуешь?

–Почему ты не сказала, что приехала на родительской машине, а? Зачем было так рисковать?! – Женя вдруг отстранилась и несильно, зато с чувством меня встряхнула. – Ира, ты сумасшедшая?

–Не бросать же тебя было, – пробормотала я смущённо. У Жени иногда случаются приступы обострённого альтруизма, и она сама не своя становится, если кому-то доставляет неудобства, а тут она и вовсе была на грани истерики, хотя минуту назад пребывала в состоянии крайней беспечности.

–Ох, убила бы, – протянула она, недобро щурясь на меня, – но ты и так еле живая.

Она вздохнула, удручённо покачав головой, и снова обняла меня.

–Ира, спасибо тебе! И прости, что попросила приехать... я не подумала, как ты это сделаешь... Я вообще ничего не соображала тогда.

–Нет, всё хорошо, Жень... Ты правильно сделала. Ведь на

то и нужны друзья, – я улыбнулась.

Женя некоторое время с сомнением смотрела на меня, затем тоже неловко улыбнулась, но тут же снова погрузилась.

–Друзья... А из меня после этого какой друг?

–Это ты просто... – начала было я, но она меня не слушала.

–Ты же чуть не убилась, а потом и твой папа... Звоню утром – твой телефон не доступен... сначала думала, что просто разрядился, а потом засомневалась. Попыталась позвонить три дня, потом позвонила тебе домой, и твоя мама сказала, что ты в больнице и до сих пор не пришла в себя. Я тогда уже хотела в полицию обратиться...

–Женя, что было...

–Твоя мама сперва говорить со мной не хотела. Я чуть с ума не сошла, столько всего передумала...

–Да хватит уже! – мягко остановила я подругу. – Это у меня просто голова набита опилками.

–Рыбьими кишками она у тебя набита, а не опилками, – мрачно отмахнулась Женя, на мгновение отвлекшись от воспоминаний, а затем продолжила, – Я думала, твоя мама меня зарежет. Нет, ты всё-таки сумасшедшая...

Последнее слово заставило меня чуть вздрогнуть.

–Ночью, на родительской машине, одна... Странно, что ты вообще доехала!.. Кстати, – тон подруги вдруг стал любопытным, – ты мне не говорила, что умеешь водить. В автошколе учишься? Я думала, там только совершеннолетние

студенты.

–Папа учит, – осторожно ответила я,

–Ох, дай дураку лопату, могилу выроет, – эту поговорку Женя сама придумала. – Не ожидала я от тебя.

–Я тоже.

–Что «тоже»? – не поняла Женя, снова очнувшись от собственных мыслей.

–Тожe не ожидала. Я забыла последние полтора дня перед аварией, – объяснила я. – Вспомнила, что было днём, когда мама пришла. Потом вспомнила, что было после того, как я ушла от тебя. А то, что было у тебя, я вспомнила только что, когда тебя увидела. Но звонка твоего никак не вспомню, да и как я решила ехать к тебе самостоятельно – тоже.

–Значит, не помнишь самое важное.

–Ну да...

–Тогда, как дотикает, будь добра, объясни, откуда у тебя столько ума, ладно?

Я улыбнулась, мне вдруг стало очень хорошо от того, что Женя рядом.

–Ладно.

Мы снова обнялись.

А потом я не выдержала и рассказала ей то же, что рассказывала и врачу, и маме с папой. И с каждым словом у меня крепла уверенность, что уж она-то меня обязательно поймёт. Женя слушала внимательно, как мама, но, когда я закончила, то увидела по её глазам, что она верит.

–Хм... это удивительно.

С души свалился камень. Впервые за последние несколько дней я почувствовала, что не сумасшедшая.

–Такое случается после того, как человек побывает на грани между жизнью и смертью, но ведь врач говорит, твоя рана не столь опасна, – рассуждала Женя, пока я пыталась поверить своему счастью. – И что это за люди? Привидения?

–Ага...

–Значит, ты видишь мёртвых теперь? – с благоговением в голосе спросила она.

–Похоже на то.

«Она даже не подумала о сумасшествии», – подумала я, и сердце забило от облегчения. Я обняла подругу.

–Ира! – пискнула она, осторожно пытаясь высвободиться из объятий. – Моё плечо...

–Ой, извини!

Мы посидели в уютном молчании, улыбаясь и время от времени приязненно поглядывая друг на друга.

Потом я в подробностях рассказывала Жене о каждом из призраков, увиденных мною, а она рассказала о том, что было, когда я уехала. Оказывается, она всегда переживала ломки именно в общежитии, и, когда я спросила, почему не дома, ответила:

–Не хочу тащить эту грязь домой.

Жене мой неожиданный дар казался крайне интересным, но она искренне сочувствовала мне, кажется, понимая, что это

страшно и тяжело. Ей, судя по всему, нравилось, что у меня появилась такая способность, так как она то и дело возвращалась к этой теме и просила меня рассказать о них ещё.

В тот день она спасла меня от страха и одиночества.

Глава VI

Пусть дом и не спасение от этого ужаса, но всё же лучше, чем больница. Возвращаясь домой, я чувствовала себя почти счастливой, хотя тревога не давала покоя. Папу тоже выписали, поэтому мы собирались домой вместе.

Вылетев с пакетом, в который сложила вещи, которые родители мне привозили, и увидев маму с папой в приёмном отделении у выхода, я тут же бросилась их обнимать, несмотря на то, что они мгновение назад явно говорили обо мне и резко замолчали, едва я приблизилась.

Когда мы сели в машину, я вспомнила, как ехала на ней к Жене, что это не так уж невозможно, как мне казалось. Папа обрадовался, что мне удалось это вспомнить, и стал с живым интересом расспрашивать, что именно и в каком порядке я делала. Мне очень польстила его заинтересованность, и я с удовольствием пересказывала отшлифованные амнезией яркие воспоминания.

А когда я осталась в автомобиле одна (родители зашли в магазин), рядом со мной на заднем сидении возник лысый. Страх сковал меня, как всегда сковывал, стоило кому-то из них появиться поблизости, и я с трудом заставила себя отвернуться. Хотела, чтобы призрак исчез, но спиной ощущала: он здесь.

Тогда я, сглатывая и трясясь, обернулась к нему. Мрачные глаза сверлили меня и пронзали, будто молниями, словно ожидая чего-то. Потом лысый поднял руку, и у меня свернулся от прилива ужаса желудок. Боже, что он хочет сделать?..

Крупная ладонь приближалась ко мне, а я словно примерзла к месту, замерла, не в силах пошевелиться, то ли от страха, то ли от ледящего изнутри сверхъестественного холода, взявшегося неизвестно откуда. Чего, чего он хочет?

Рука, кажется, легла мне на макушку, и от места прикосновения по телу разбежались струйки жуткого холода, будто маленькие молнии, морозящие каждый сосудик. Кровь бросилась к голове, и она, в свою очередь, загорелась так, будто весь жар тела перешёл в череп и воцарился там, оставив каждый член зимовать. От горячих волн мозги заработали так быстро, как не работали никогда.

Тут очертания салона машины стали стремительно размываться, уши заложил пронзительный звон, не дающий услышать другие звуки; желудок словно подхватило чем-то и рвануло вверх, голова бешено закружилась...

...Я сидела в салоне какой-то другой машины, возможно, какого-нибудь джипа, на пассажирском сидении впереди. А рядом сидел лысый. Не такой бледный, не прозрачный... живой. Он живой.

Где это я? Почему я в его машине? И почему он, чёрт возьми, живой?..

Руки и ноги опутаны внутренним холодом и отказываются шевелиться, я даже не пристёгнута, а джип так и гонит...

Впереди смутно виднеется синяя машина, похожая на папину... Секундочку, это ведь и есть его машина! Что здесь такое происходит?

Куда папа так мчит? И что я, наконец, делаю в автомобиле человека, который должен быть мёртвым?..

Если только... если только я не прошлом. А если это действительно прошлое, то там, в папиной машине, выходит, тоже сижу я?..

Лысый резко закручивает руль влево, и джип круто поворачивает. Два светофора, обгоняем синюю машину, проскакиваем третий светофор, горящий красным...

Да он пьяный! Как я тогда не заметила?! Вот почему он стал ко мне подкатывать! Значит, он хочет показать, что было с ним после того, как мы разминулись? Но нет, небо как будто светлеет...

Женя вчера говорила, что, возможно, они хотят о чём-то сказать. Может, лысый всего лишь желает показать мне что-то?

Машина гонит вперёд, взвизгивая и рыча, а лысый крутит только одной рукой. А ведь действительно, за окном уже почти утро... Если он и впрямь хочет мне что-то показать, то уж не свою ли смерть? И именно с этой целью перенёс меня сюда, в прошлое? Может, я могу что-то изменить? Может, он хочет, чтобы я спасла его? Но как мне это сделать? Ведь

я даже пошевелиться не могу.

Лысый негромко ругнулся и принялся резво закручивать руль то в одну сторону, то в другую. Я взглянула на дорогу и чуть было не закричала: мы ехали прямо навстречу папиной машине, которая почему-то вылетела на встречную полосу... Или, наоборот, чёрный джип гонит по встречной? Лысый продолжал вилять вместо того, чтобы нормально развернуть автомобиль или притормозить. Что он делает?

Джип бешено дёргается и вертится, а иномарка перед нами лихорадочно жмётся к краю дороги, пытаясь нас пропустить; пьяный водитель путает педали и давит на газ, матерится, но уже не может справиться с железным монстром, который съехал с дороги и мчит прямо к фонарному столбу...

Я отчаянно пытаюсь пошевелиться, нажать на тормоз, пытаюсь даже просто кричать, но всё тело заморожено видением из прошлого, и мне остаётся только одно – наблюдать...

Но, в конце концов, разве я здесь не для того, чтобы спасти его?.. Если нет, то зачем тогда? Если он просто хочет, чтобы я узнала, как он погиб, почему он не сказал мне это, как девушка со шрамом? Ведь иногда я слышу их голоса, иногда в моей голове звучат их мысли... зачем же мне нужно ещё и видеть?..

Столб всё ближе, джип неуправляем... Прыгай в окно, чёртов ты алкаш! Давай, прыгай!

Удар, свет фар, жуткий грохот, лысого бросает прямо в

лобовое стекло, по которому мгновенно разлетается, разбегается, растекается пронзительно алая кровь.

Мой кишечник словно что-то ошпарило.

Рывок изнутри, разгоняющий холод в теле, и меня выворачивает наизнанку уже в папиной машине. Руки трясутся, перед глазами всё плывёт, щёки горят огнём, сердце стучит с невероятной скоростью...

Он умер... Господи... Я была там! Я была там! Я не спасла его!.. И перед глазами снова лобовое стекло и волной расползающаяся по нему кровь...

О боже, боже, боже!..

–Ира! – вернувшаяся в машину мама придерживает меня за плечи, не давая упасть прямо на грязное сидение.

–Я б-б-была т-там... я была там... я была там... – язык не слушается, глаза бегают, пальцы судорожно цепляются за маму, – Я была там... была там... Он разбился, разбился, разбился...

–Ира, успокойся, Ирочка! Кто, ну? Кто разбился?..

–Он разбился, он разбился... я не спасла, я не могла... у меня... было холодно... х-х-холодно... в руках... было холодно... Он разбился... разбился...

Я едва сознавала, что происходит. То шёпотом, то вслух бормотала одно и то же и не могла заставить себя остановиться. Родители звали меня, шлёпали по щекам, трясли, пытались успокоить, расспрашивали, утешали, я чувствовала это, но всё было тщетно.

Припадок длился довольно долго, пока дрожь не улеглась, а дыхание не выровнялось. Папа сидел со мной на заднем сидении и обнимал, а я без выражения смотрела в пространство. В голове была только одна мысль: на моих глазах умер человек. Да, это произошло в прошлом, и разве это что-то меняет, если я всё равно всё видела?

До дома доехали в полном молчании. Когда машина остановилась, папа осторожно подхватил меня под руки и повёл в подъезд. Как мы поднялись на 5 этаж и зашли в квартиру, я не помню. Как меня завели в комнату и положили на диван (на кровать я бы сама не поднялась, да и могла оттуда запросто свалиться, если бы решила слезть), запомнила смутно.

– Доча, попей немного, – сказала мама, заботливо приподнимая мою голову и подталкивая к губам стакан с водой. Я чуть-чуть отхлебнула, и в голове немного прояснилось. Оцепенение начало проходить.

– Извини, – тихо сказала я.

– Что случилось, расскажешь теперь? – ласково глядя меня по волосам, спросила мама.

– Не поверишь...

– Ну что ты, конечно, поверю!

В комнату зашёл папа.

Я сглотнула. Рассказать – значит, пережить заново. Но это необходимо.

– Я сама не поняла... Просто, когда я ехала к Жене, встретила одного мужчину, он ехал в чёрном джипе. Мы быстро

разъехались. А сейчас он появился в нашей машине... Я его и раньше видела уже, в...

–Одним глазом? – перебил папа, медленно складывая руки на груди.

Я посмотрела на него. Ну, конечно, он уже мне не верит... Брови ползут вверх, на губах намёк на недоверие и усмешку... Обида дала мне силы закончить рассказ.

–Да! В больнице он приходил. Он призрак. Он умер. И сейчас он показал мне это. Я как будто сидела в его машине, а он пьяный гнал по дороге и врезался в фонарный столб.

–В больнице показывают новости? – вмешался папа, взглянув на маму так, будто они уже о чём-то подобном разговаривали.

–У меня не было в палате телевизора!

–А газеты?

–Папа!

–Но, Ира, ты сидела в папиной машине, – очень мягко заметила мама, скорее, чтобы успокоить, чем действительно пытаюсь узнать подробности.

–Да, но я будто бы перенеслась в прошлое... он положил руку мне на голову, и большой палец прижал к середине лба, вот здесь, – я дрожащей рукой ткнула в лоб, – и я перенеслась... Это правда!

–Ириша, поспи лучше...

–Мама, я была там! Я видела аварию! Видела, как он умер! Утром, когда мы ехали с папой домой, а он гнал навстречу;

поэтому-то мы и...

–Хм, гляжу, ты уже всё вспомнила? – протянул папа.

Я снова посмотрела на него, и внутри поднялась волна ярости и негодования.

–Ты не веришь?! Вы опять мне не верите? Тогда откуда я всё это знаю? Из воздуха взяла? Книжек начиталась?! Я же вижу мёртвых и их гибель; чем вы можете это объяснить?! Да верите вы или нет, это ничего не изменит!

Мама с папой взглянули друг на друга и, как один, закружились вокруг меня, увещеваниями и уговорами пытаюсь заставить меня забыть то, что я рассказала. Вскоре их слова всё-таки увели мои мысли в другую сторону, и я даже согласилась пойти попить чай, правда, больше чахла над кружкой, пуская в чае пузырьки и то и дело начиная ворчать, что мне никто не верит. Фрак, узревший меня в том виде, в каком я вернулась из больницы, скептически дёрнул хвостом и, презрительно фыркнув, ушёл прочь. Я показала вслед коту язык.

Родители что-то ворковали из разряда «какая ты стала худенькая», пододвигали невесть откуда взявшиеся вафли, печенье, конфеты, а я продолжала бухтеть про вселенскую несправедливость современного человеческого рассудка.

После чая я, качаясь, ретировалась в свою комнату. Мама хотела идти со мной, но, когда вдруг на экране её моби́льника высветился неизвестный номер, сразу передумала, и они с папой столпились вокруг телефона. Мне пришло в голову,

что в доме творится что-то неладное, но развивать эту мысль у меня уже не было сил, и я удалилась, на ходу мысленно констатируя, что от родителей вряд ли дождусь поддержки.

В комнате, плотно закрыв за собой дверь, я достала свой старый телефон (как выяснилось, прежний действительно сломался после аварии) и набрала Женю.

Она ответила сразу, будто ждала моего звонка, и я тут же всё ей рассказала. Женя помолчала, а потом пустилась в долгие монологи-рассуждения, что бы всё это могло значить. Её голос меня быстро успокоил, а ещё быстрее – уверенные интонации, которыми она профильтровала все подробности, очистив их от жуткого, пугающего оттенка.

Это был первый раз в моей жизни, когда я не могла доверять родителям, и, пока я не поговорила с Зайцевой, у меня сердце сиротливо сжималось, будто я в мире, в таком страшном мире, совсем одна. Но сейчас я поняла, что у меня есть человек, кому можно всё рассказать, ничего не скрывая, и этим человеком была моя подруга.

Приехав домой, я быстро убедилась, что мои подозрения оправданны, и родители и впрямь что-то скрывают от меня и плетут за спиной какие-то заговоры, словно мы не родные. От этого мне стало казаться, что телефонный разговор с Женей, в пространстве которого никто не считал меня сумасшедшей – и есть единственное место, которое можно назвать домом.

После того, как я с чистым сердцем и несколько успокоен-

ной душой положила телефон на стол, на улице шёл дождь, обычный осенний дождь, вновь тёплый и лёгкий. Мне стало уютно вот так, при включённом свете, сидеть в тепле и сухости, в своём домашнем мирке... Хотя нет. Не совсем домашнем. Я стала сама за себя, а родители – за себя. Не таким уж этот мирок и был уютным...

Я тряхнула головой, отгоняя странные непривычные ощущения. Нет, конечно же, всё не так! Мне тепло и уютно, и сейчас я буду читать. Так я и поступила – вперила взгляд в книгу. Но слова пробегали между глаз, глаза – между слов, букв, строк; слова сновали мимо мыслей, проскальзывали между извилинами, и вскоре я с горьким чувством утраты бросила чтение. Нет, не могу я сейчас, как прежде, радоваться дождю и книгам, когда за дверью так неожиданно и резко отделившееся от меня родители... А что, если прежнего покоя уже не вернуть?

И в первый раз я разрыдалась от того, что безумно хочу в детство, где ты словно за каменной стеной, где родные – твоя защита... У меня теперь нет защиты.

Перед сном я увидела призрака: небритого мужчину со впалыми щеками, и вызвал он даже не страх, а жуткую, непереносимую обиду.

Ложась спать, я опять разревелась. Ну почему я? За что мне это?! Зачем этот никому не нужный дар?! Он разрушил мне, может быть, всю жизнь и, можно даже сказать, лишил дома!.. Ведь теперь ужас закрался в мою святую святых, в то

место, где у меня всегда была отдушина...

Стоило мне провалиться в болезненный ледяной сон, как тут же появились окровавленное лобовое стекло и покидающая тело душа, которая не найдёт покоя... Меня прямо во сне бил озноб, а голова горела, и я проснулась в холодном поту.

На моей кровати сидит призрак, его рука протянула ко мне, а от лба и макушки всё тело изнутри обливает холод...

О нет! Опять!

И вот я стою в собственной неожиданно изменившейся комнате; стены обклеены газетами, окно заляпано краской...

«Свинарник какой-то,» – невольно пролетело в мозгу сквозь отчаянный страх.

Мужчина со свёрнутой в кораблик газетой на голове и небритым лицом сидит на полу и месит в ведре штукатурку.

И как он умрёт?.. Я оглядела комнату. Острых предметов нет. Не утонет ведь он в ведре...

Как мне его спасти, если я даже не знаю, от чего спасать?

А строитель продолжает ворочать кисточку в ведре, выглядит здоровым и полным жизни, правда, слегка худоват. Но это ненадолго... скоро он умрёт.

Как это ужасно, знать, что человек, за которым ты наблюдаешь, вот-вот умрёт! И сбежать от этого некуда...

Тут меня словно током прошибло: нельзя бежать! Надо ему помочь. Я в прошлом, и у меня есть шанс спасти его! В прошлый раз я не смогла – и увидела смерть. А теперь смогу!

И, может быть, кровь на лобовом стекле джипа мне больше не приснится...

А может, он и не умрёт? От этой мысли мне стало легко и даже тепло. Может, он не смерть свою мне показывает?..

Щетина тёмная, и волосы на голове тёмные; он не старый, но на лице уже есть тонкие морщины. У него узкие губы, едва заметно приоткрывающиеся в каком-то своём собственном ритме... он что-то говорит? Или напевает? Глаза устремлены вниз, на белое месиво, которое оттеняет их тёмный свет. От этого кажется, что в их глубине что-то сверкает. О чём он сейчас думает?

У меня внутри ещё сильнее потеплело, даже страх отступил, правда, холод сковывал тело, не давая пошевелиться. Я смотрела на живого человека, который о чём-то думает, что-то бормочет или напевает; который о чём-то мечтает и чего-то хочет; который может в любой момент засмеяться или заплакать... И он – умрёт? Я представила, как он неожиданно умирает, и его губы не допоют и не улыбнутся, а глаза потухнут... Нет, я этого не допущу! Мысли судорожно зашевелились, выискивая ответ, как уберечь эту жизнь.

Смогу ли я? Возможно ли это? А если смогу, если я смогу спасти их, они перестанут являться?

Минуты шли, и вот он встал и принялся водить белой кистью по стене. Да он прямо как художник! Глаза блестят, он чуть-чуть улыбается, рука профессионально и аккуратно белит стену. Он будто декабрь, укутывающий пёстрое поле-га-

зету сверкающим снегом...

Нет, он не умрёт. Не должен. Не похож он на потенциального мертвеца.

А вдруг всё же умрёт?

Да или нет? Да или нет?

Его рука дрогнула. Строитель вдруг начал шататься, едва не упал, опёрся рукой на стену и медленно сполз по ней на пол. Что с ним? Мне захотелось броситься к нему, мне казалось, что я давно знаю и люблю этого строителя, что я должна ему помочь во что бы то ни стало... Хочу кричать, но, как и в прошлый раз с лысым, не могу...

Сердце?.. Надо ему принести воды. Напрягаю ноги, пытаюсь заставить их шевелиться, но всё бесполезно. Чёрт, и что теперь?.. Нет, нужно пробовать. Ещё раз... не вышло. Ещё раз, ещё, ещё... я, словно статуя, могу лишь наблюдать, как жизнь, к которой я уже каким-то образом успела привязаться, попадает под угрозу. Ну нет! Ещё раз!

Что это?! Неужели палец ноги слегка вздрогнул?.. Едва веря успеху, я принялась снова изо всех сил напрягаться, пытаясь сдвинуться с места.

Строитель тяжело дышит, мышцы его лица дрожат. Скорее же, скорее! Надо ему помочь...

Да, похоже, мне постепенно удаётся разбить холод в теле... В сердце так и вспыхнула надежда. Может, я ещё смогу!.. Может быть, я успею!

Ещё чуть-чуть, ещё раз, ещё раз, сейчас всё получится...

Я даже дыхание задерживала, стараясь, что есть мочи, и, кажется, тело начинало оживать...

Строителя бьёт дрожь. Он схватился за сердце. Кажется, инфаркт... Где тут телефон? Вот только смогу пошевелиться – и найду... давайте же, ноги, двигайтесь!

Вот почему, почему я так привязываюсь к тем, кому пытаюсь помочь? Всегда, только помогу кому-то, и этот человек сразу становится для меня самым чудесным...

Дыхание перехватило. Его глаза закатываются, рот, судорожно ловящий воздух, замирает... Нет, не умирай! Подожди чуть-чуть, я спасу!

И я отчаянно пытаюсь сорваться с места, пытаюсь кричать, а по щекам ручьями бегут слёзы... Вот и не ляжет уже снег на поле...

И вновь я лежу в своей комнате, в темноте, и всё тело скрючивается от диких конвульсий.

Я снова не спасла. А почему! Да потому что это невозможно! Это невозможно, это просто НЕВОЗМОЖНО!!! Зачем им это?! Зачем мне это?! Видеть, как умирает живой человек и знать, что я ничего с этим не могу сделать...

–Хватит! – неожиданно для самой себя прорыдала я в темноту. – Хватит показывать мне это! Я не могу спасти вас! Не могу! Зачем я вам нужна?! Уходите! Оставьте меня в покое! Я больше не хочу!.. Я не могу вас спасти! Вы мертвы! Уходите!!!

Я билась в истерике и не заметила, как в комнате вклю-

чился свет, как испуганные родители бросились меня успокаивать; не заметила, как в комнате появились врачи, как мои руки оказались чем-то прикованы к телу...

Успокоилась я от укола и только после этого услышала:

–Ира, ты меня слышишь? Врачи поместят тебя в стационар совсем на чуть-чуть, чтобы понаблюдать за твоим состоянием... слышишь, дочур? А потом мы вернёмся, и всё будет хорошо...

Мама говорила что-то ещё, но я уже не слушала её, так как меня охватили паника и ярость. Так вот что! Дорогие папочка и мамочка решили упрятать дочь в психушку!

Призраки вылетели из моей головы, я даже злиться не могу из-за успокоительного... Ну родители! Ну удружили!

Под руки меня вывели из подъезда к машине, папа с мамой ворковали и успокаивали...

–Подставили, – прошипела я маме, с трудом заставляя язык перемещаться по ротовой полости.

–Успокойся, тебя просто понаблюдают и сразу отпустят... А мы будем приходить каждый день...

–О, спасибо! – утробно прорычала я.

–Ириша, всё будет хорошо, слышишь?

Мы оказались в машине. Я растерянно и зло оглядывалась, понимая, что на мне, по всей видимости, надета усмирительная рубашка. Прелесть...

Родители в унисон говорили, что это совсем ненадолго. Да плевать! Вы сдали меня в психушку! А ведь я так сильно

боялась этого – боялась, что меня на полном серьёзе примут за сумасшедшую. И теперь вот, я сумасшедшая!

А машина тем временем неторопливо отъехала от дома.

Глава VII

В палате было несколько кроватей, и я оказалась на одной из них. Впрочем, в этой палате я была единственная.

Окна старые, деревянные, стёкла двойные, с ватной прослойкой по краям, зато есть форточки. Неплохо, мне это может пригодиться... Свободные кровати, как и моя, заправлены, значит, в моём распоряжении минимум 5 пододеяльников и 5 простыней. Дверь не запирается. Я на 2 этаже, падать невысоко.

Если буду вести себя смирно (после успокоительного это нетрудно), меня не привяжут к кровати на ночь и не запрут. И даже, пришла в голову саркастическая мысль, не пропишут терапию электрошоком...

У меня есть шанс сбежать. Да, перспективы пока довольно призрачные, однако попытаться стоит.

Мысли о побеге поселились в моей голове из-за озлобления, обиды и мрачных раздумий о несправедливости происходящего. И, конечно, лихорадка самостоятельности.

Привезли меня ночью, а сейчас уже середина дня. Остаток ночи я покорно продрыхла без призраков и снов, а утром после завтрака со мной беседовал врач-психиатр Роман Александрович. У него под расстёгнутым белым халатом была красная футболка, и я, как ни старалась, не могла оторвать

от неё глаз, хотя и понимала, что это наведёт на меня лишние подозрения. А врачу от этого явно было не по себе. Мне его страх, однако, доставлял одно удовольствие.

Роман Александрович подсунул мне пару тестов, и я, не моргнув глазом, их выполнила. Потом задал пару вопросов о детстве, на которые я так же спокойно ответила. Ничего примечательного в моём детстве не было. Ничего такого, что бы могло повлечь нарушения в психике. На том разговор завершился, но я знала, что этот первый и такой простой для меня разговор – лишь начало, последуют другие атаки, более серьёзные. Надеюсь, к тому времени меня здесь уже не будет. А пока меня оставили наедине с моими коварными замыслами.

И теперь я сидела и думала, как мне покинуть это вне всяких сомнений гиблое место.

Пока я просто-напросто под наблюдением, и диагноза, к счастью, мне не поставили. За мной почти не следят, да я и веду себя примерно – привыкла быть пай-девочкой.

Итак, если действительно планирую побег, мне нужен чёткий план действий.

Во-первых, вести себя тихо, не привлекать внимания врачей к своей персоне. Усыпить бдительность. Во-вторых, выяснить степень их опасений за меня, другими словами, прощупать почву и узнать, насколько тщательно за мной наблюдают. В-третьих, найти способ связаться с кем-то из друзей. Бежать – значит скрываться. Заявлюсь домой – вернут. Надо

найти другое убежище. Не хотелось бы мне, чтобы до этого доходило, но, видимо, придётся к кому-то из друзей... вопрос только, к кому? Неплохо бы к тому, кто знает всю эту историю. Но у Зайцевой меня быстро обнаружат.

Первое требует тонкости, артистизма и знания психологии. Да ещё логику. Трудновато, но осуществимо. Второе уже проще. Последнее – существенная проблема, но, пожалуй, это и необязательно. Знаю, эти ребята меня не бросят, но не хочется мне доставлять им так много хлопот.

Подробностей пока обдумывать не стоит, надо затаиться и выяснить детали. Спешка ни к чему не приведёт, разве что к диагнозу.

Но я выберусь из этого дурдома.

* * *

Прошло три дня. Мне удалось разнюхать, что в одном из тёмных тупичков налево по коридору находится кладовая, где свалены несколько халатов, швабры, вёдра, шприцы, какие-то склянки и так далее. Эта сокровищница запирается санитарями, которые дежурят ночью. Немного ума – и ключ мой.

Ещё мне удалось выяснить, что мои вещи находятся прямо в палате в шкафу. Удачное обстоятельство. А вот мобильник... кажется, придётся потрудиться, чтобы раздобыть его. Обнаружилась и ещё одна очень благоприятная особен-

ность. Здесь, к моему облегчению и удивлению, призраков почти не было. Только бабушка, появлявшаяся в районе лестницы, маленький мальчик лет 7 в кабинете Романа Александровича, и какая-то женщина, там же.

Сначала я не могла понять, почему они двое являются именно там, но вскоре всё стало ясно: та женщина кое-что показала мне, из чего я сделала вывод, что она – сестра моего врача. А также выяснилось, что она весьма недовольна тем, что её брат – психиатр. Видела я и мальчика, который тоже появлялся в кабинете Романа Александровича. В видениях, которыми поделилась женщина, этот мальчик всё время кричал во сне и говорил всем, что видит своего умершего друга. Так я узнала, что мальчик тот являлся сыном сестры Романа Александровича, а доктору приходился племянником. А ещё этот мальчик, как и я, мог видеть призраков. И тот факт, что умер мальчик, по всей видимости, в этой самой больнице, вовсе меня не радовал и только подталкивал к побегу.

Мать и сын, несколько раз появившиеся в кабинете врача, а затем пришедшие ко мне в палату, больше меня не оставляли, и я всё ждала, что они покажут мне свои смерти, но этого почему-то не происходило. Конечно же, мне не хотелось видеть, как умирает человек, да ещё и ребёнок, да ещё и такой же, как я... но закономерности, которые мне удалось уловить (все призраки показывали мне, как они встретили смерть), позволяли находить хоть какие-то более менее связ-

ные объяснения, для чего они мне являются. И, пусть даже все мои попытки понять происходящее терпели крах, они меня немного успокаивали. Но то, что эти призраки вели себя иначе, очень нервировало.

Они связаны с Романом Александровичем, они – его родная кровь. Мало-помалу у меня даже появилось желание узнать их историю и понять, отчего сестра настолько недовольна своим братом. Кроме того, женщина мне явно симпатизировала и помогла найти кладовку. Этой информацией я обязана ей, а не собственной наблюдательности. Похоже, она желает помочь мне в побеге. Неплохо, однако, когда у тебя появляется союзник, даже несмотря на то, что он мёртвый.

Если быть честной, то, что призраков в больнице было немного, не добавляло спокойствия. Каждый раз, когда я на кого-то смотрела, мне казалось, что он прозрачный, и я вижу его одним глазом. Тогда я пугалась и расстраивалась, но, сообразив, что смотрю на живого, начинала ликовать, словно воскресила покойника. Как-то ночью я, бродя без сна по палате и бросая взгляды в окно, вдруг подумала, что ко мне понемногу приходит простая истина: дороже всего в человеке жизнь. Ведь нам неважно, добрый он был или злой, когда его больше нет?

* * *

Я сидела на кровати и прислушивалась. Недавно прошёл

обед, и все мои соседи предпочли устроить себе тихий час (насколько я поняла, в этом крыле содержатся те, за кем установлено наблюдение, а также те, кого собираются вскоре выписывать; настоящие пациенты больницы жили в другом крыле и были более изолированы от мира). Они явно не полуночники, раз обед их разморил. После ужина они почувствуют, как слипаются веки, не захотят читать перед сном, потому что глаза устанут, и поскорее лягут спать. Их под покровом ночи опасаться не нужно.

За дверью стояла тишина. Шаги – кто-то неспешно прошёл по коридору мимо моей двери. Скорее всего, кто-то из врачей. Да, действительно, многие уснули, ведь врач явно никуда не торопится.

Ещё шаги, приближаются. Сначала тихо, это значит, идут со стороны лестницы, которая расположена напротив моей палаты, а не по коридору сбоку.

Обед у врачей проходит позже, чем у пациентов, и многие из них едят в столовой для персонала на первом этаже. Если Роман Александрович, а я почти уверена, что шаги принадлежат ему, идёт со стороны лестницы (кабинет у него на этом этаже в конце коридора), следовательно, ест он вместе со всеми, внизу. Равно как и ужинает.

Дверь открылась, предварительно щёлкнув. Видимо, была заперта (нехорошо!). Зашёл Роман Александрович.

Врач приблизился, пододвинул стул к моей кровати и сел. – Как у нас дела? – миролюбиво поинтересовался он. По

спине пробежал холодок: говорит как с сумасшедшей!

– Нормально, – я сделала равнодушное лицо.

– С кем сегодня общалась?

Намекает на призраков?

– Ни с кем. Только с девушкой, которая еду принесла.

«Спасибо» ей сказала.

– Молодец! – оценил Роман Александрович. – А утром она же тебе еду принесла?

– Не знаю, я спала.

– Хм...

Мы помолчали.

– Ты вчера отказалась идти на прогулку.

– Сегодня пойду.

– Почему вчера не пошла? – врач смотрел на меня с улыбкой, но несколько внимательнее, чем того требует обычная светская беседа. Мне стало неприятно.

– Не захотела.

Насильно вытягивать из меня о призраках он не станет. Он же психиатр. Им надо, чтобы пациент сам говорил. Но я ничего не скажу.

– Вчера была отличная погода, а сегодня тучи.

– Я люблю тучи.

У Романа Александровича улыбка стала шире.

– Неужели? – он сделал вид, что очень удивился. – За что?

– Не знаю. Просто люблю.

Я почувствовала, что начинаю волноваться. Этот разго-

вор, где в каждой реплике зарыта мина, начал меня напрягать; казалось, что я всеми своими словами подписываю вердикт и, не откровенничая, всё-таки откровенничаю.

–Ты необычная, – между тем, взгляд Романа Александровича стал ещё внимательнее.

Я задёргалась. Как правило, мне редко говорят, что я необычная, так что он, кажется, имеет в виду вовсе не уникальность и глубину мышления. Но, если он пытается этим сказать, что я ненормальная, то уж больно открытым текстом. Наверняка все сумасшедшие, когда слышат такой прозрачный намёк, начинают очень активно отнекиваться и протестовать. Поэтому отрицать ничего не стоит. С другой стороны, если я скажу: «Да, я необычная», он может увидеть в моих словах признание, что я действительно какая-то «не такая» или считаю себя «не такой». В конце концов, когда подросток твердит, что может видеть привидения, он явно считает себя особенным. Нет, всё-таки стоит запротестовать, но нужно сделать вид, что я не увидела в этом никакого подтекста... Только сумасшедший в обычных словах разглядит намёк на свою болезнь, ведь правда?

–Ничего необычного, – сказала немного сварливо. Пусть ему кажется, что я часто слышу это от сверстников. Пусть думает, что мне привычны эти разговоры и уже порядком надоели.

А через сотую долю секунды я запаниковала: зачем нужно было так отвечать?! Если мне все говорят, что я якобы

необычная, разве это не значит, что я уже давно говорю о своих способностях?! Чёрт возьми, Роман Александрович именно так и расшифрует мои слова! Да, верно, я ненормальная и так часто об этом слышу, что мне уже надоело отрицать! Вот ведь голова!

Но Роман Александрович медленно перестал улыбаться и, видимо, не выдержав, спросил напрямик:

–Так ты утверждаешь, что видишь умерших?

Сердце на секунду замерло.

–Я ничего не утверждаю, – безапелляционным тоном возразила я. – Я этого никогда не говорила.

–Но твои родители...

–Ах, родители! – перебила я, как бы догадавшись, – Они просто неправильно меня поняли. Видите ли, мы с папой попали в аварию, и вначале, когда действие наркоза ещё не прошло, мне кое-что мерещилось, да я и объяснить толком не могла, – я немного наигранно махнула рукой и вздохнула, – недоразумение... Они ведь не настаивали, что я не в порядке?

–Нет. Просто обратились за помощью, – врач хмурился.

–Ну, вот и всё. Просто испугались. А призраки, ну что вы, их не бывает, – и я, для довершения образа, снова махнула рукой.

Роман Александрович молча смотрел на меня и жевал губами. Затем извлёк из кармана халата какой-то листок, прочитал то, что было на нём написано, потёр переносицу и сно-

ва взглянул на меня.

–Хм... вот как.

Почувствовав неожиданно окативший меня с ног до головы холод, я подняла глаза и увидела за спиной врача лица его сестры и мальчика.

–Да, и, – неожиданно вырвалось у меня, – ваша сестра не хотела, чтобы вы становились психиатром.

–Что-о? – глаза Романа Александровича расширились, он мгновенно побелел; листок, зажатый в тонких узловатых пальцах, затрясся.

Проклятье, я это вслух сказала!.. И что делать?!

Тем временем врач, справившись с оцепенением, энергично схватил меня на плечи, приблизил своё лицо к моему и выдохнул:

–Что ты сказала?

Я закусила губу. Делать нечего, теперь придётся заставить его мне верить.

–Ваша сестра вас винит в чём-то, – хмуро и неохотно про-бормотала я, ругая себя на чём свет стоит.

–Моя сестра? – просипел он и встряхнул меня. – Что ты знаешь?

Я отстранилась.

–Она думает, вы не тот, кому стоит быть психиатром, и вы...

«Он убил его», – так сказала мне женщина.

–Она говорит, вы его убили, – понятия не имею, что зна-

чат эти слова, но это всё, что у меня есть.

Лицо Романа Александровича посерело, как небо в пасмурный день, и он шатнулся назад, а у меня напряглись нервы.

Строитель... он так же посерел...

–Что с вами? Всё хорошо? – испуганно воскликнула я, готовясь в любой момент броситься на помощь.

–Откуда ты знаешь? Кто сказал тебе? Говори, – хрипло произнёс он, напряжённо глядя мне в глаза.

Я перевела дух: он в порядке, просто потрясён.

–Она мне сказала. Я вижу её и вижу мальчика. У него рыжие волосы. Мне кажется, вы знаете, кто он...

–Рыжие волосы, – шепнул врач, затем резко встал и быстро вышел из палаты, больше не обращая на меня внимание.

Дверь захлопнулась с треском, а щелчка не последовало. Я не заперта.

Одеяла связать, зацепить с помощью швабры за оконную раму и выбраться из окна. Ночью. Ногами по стене, держась за самодельный канат.

Бежать к Жене. Больше не к кому. Она всё знает, она верит мне... Ближе неё мне только мама с папой, а как раз от них-то я и бегу. Есть, конечно, ещё Лигуршины, но они далеко, к ночи сюда не успеют. Нет, мне нужна Женя. И было бы здорово, если бы ей удалось подъехать на машине к больнице. Надо связаться с ней, срочно...

Я вскочила, подлетела к окну, чтобы прикинуть расстоя-

ние до земли, затем к шкафу... Стоп! Что ещё за... я вернулась к окну. Решётки... Решётки?.. Решётки!.. Гром и молнии! Как же я их не заметила!

Но это меня не остановит, завтра меня здесь уже не будет. Я напугала врача, и теперь меня в ближайшее время точно не выпустят... Надо бежать.

Что же делать?.. Первым делом успокоиться. Если выйти через окно не получается, придётся выйти через дверь. Как? Незаметно пробраться к выходу? Меня непременно засекут камеры, сбежится охрана. Кроме того, в коридоре дежурит санитар, и его стараниями я едва ли смогу просто так выйти среди ночи из палаты. Конечно, выбраться отсюда будет очень затруднительно. Да вот только я нахожусь в том крыле, которое охраняется не так тщательно, ведь пациенты как таковые живут в другом крыле. Наверняка надзор за ними удвоенный. А тут и камеры-то эти, как я недавно случайно услышала из разговора санитаров, не ведут запись, да и никто не следит за тем, что происходит на мониторах... Это немного обнадеживает, но полной гарантии успеха всё же не даёт. Я должна подумать, как мне отвлечь охранника, сидящего перед мониторами.

Хорошо, допустим, мне удалось добраться до первого этажа никем не замеченной. А что же дальше? Как я выберусь из больницы? Нечего и думать, что кто-то выпустит на улицу девчонку в белой пижаме пациента. Что я могу сделать в этом случае? Прикинуться врачом или посетителем?.. Есть

свободные халаты, они в кладовке. Тупик как раз в стороне туалета. Совру. Ключ позаимствую.

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза. Надо успокоиться и всё обдумать.

* * *

План созрел через полчаса дремоты.

Я притворюсь посетителем. Им выдаются белые халаты на время свидания с пациентом.

Женю попрошу подождать машину к Успенской церкви через дорогу от больницы.

Будет так: ночью, а точнее, вечером приблизительно через час после ужина для пациентов, когда ужинать пойдут врачи и персонал, я попрошусь в сортир. Санитар проводит меня туда. Затем я скажу что-то, что заставит его отойти от туалета, тем временем я выйду и проберусь в кладовку (ключи к тому времени у меня уже будут, их я украду у санитара в ближайшие часы). Возьму халат, суну под одежду, вернусь в туалет и на глазах у санитара уйду назад в палату. А потом в другой стороне от лестницы сработает будильник на моём мобильнике (его я тоже скоро раздобуду, в любом случае мне нужно будет связаться с Женей), и санитар пойдёт на звук. Я к тому времени уже переоденусь и спущусь. Врач мой будет в это время на 1 этаже, но столовая в другой стороне от выхода. Я сниму халат у выхода и выйду на улицу под видом

покидающего больницу посетителя. Пройду к дороге, и там меня перехватит Женя...

В двух метрах от туалета и в самом туалете никаких камер нет, так же, как и в палатах. Кроме того, единственные три камеры в этом коридоре установлены неподвижно, и «поле зрения» у них весьма ограничено. Тупик с кладовкой, а также несколько метров от туалета до кладовой либо вообще не видны, либо видны плохо, потому что там и свет практически не работает. У меня есть неплохие шансы сходить в кладовку и вернуться в сортир незамеченной. В любом случае, все эти манипуляции будут происходить во время ужина. Сомневаюсь, что кто-то будет следить за мониторами, даже если на камерах я появлюсь.

Впереди у меня несколько часов, должно хватить.

Я стала сиротливо блуждать по палате и мучительно дожидаться, когда кто-нибудь придёт. Подошла к окну. Дорогу, где мы с Женей встретимся, если всё пойдёт по плану, не видно под изумрудными сводами зелени.

Санкт-Петербург, мой родной город, полон зелени. За это я его и люблю. Конечно, кроме вечно пасмурной погоды, исторических памятников, близости моря и того, что я здесь родилась и выросла.

Но, как бы я ни любила Питер, я не буду тут жить. Только не в городе. Только не рядом с людьми. На берегу моря, но не Балтийского, нет. У подножия гор, рядом с лесом, в тихой бухте, между двумя выступающими горами. Там бы я

осталась.

Я не пойду сегодня на прогулку. Людей слишком много, а я любитель посидеть в тишине. И потом, мне нужно подготовиться. Ночью я сделаю то, чего не делала никогда в жизни...

Глава VIII

–Зачем тебе мобильник? – медсестра подозрительно шурила на меня большие миндалевидные глаза шоколадного оттенка и слегка кривила крупные мягкие губы, что придавало её красивому молодому лицу надменно-брезгливое выражение.

–Мне нужно позвонить родителям, – сухо и отрывисто сказала я, изо всех сил стараясь соорудить такую же высокомерную физиономию, как у неё.

–А Роман Александрович тебе разрешил? – верхняя губа изогнулась ещё больше, как рот у грустного смайлика.

–Мне просто нужно поговорить с родителями. Он знает, о чём, я полагаю.

Медсестра раздражённо прищёлкнула языком и, поджав на мгновение аппетитные розовые губы, поцокала к двери, оставив железную тележку с ужином.

Наверное, она сама спросит у врача. Интересно, он позволит после того, что я ему тут наговорила? Хороший вопрос. Ох, кто же меня за язык тянул?.. Если бы я продолжала юлить и врать, что никого не вижу, у него бы не возникло подозрений. С другой стороны, теперь он явно меня побаивается. Может быть, ему уже не терпится избавиться от меня? Тогда-то он точно разрешил бы мне воспользоваться

телефоном.

Что ж, посмотрим.

Я пододвинула тележку к себе, взяла вилку и стала перемешивать плов. Хлебнула чаю. Горький.

Нет, пока не достану телефон, есть не смогу...

За дверью послышалось цоканье каблуков, и я тут же бросила вилку и затаила дыхание.

–Если надо позвонить, звони сейчас, перед сном телефон заберу, – капризно отчеканила медсестра, нервно пройдя в палату и сунув мне мобильник.

Я изо всех сил постаралась не выказать радости, забирая подрагивающей от волнения рукой телефон.

–Хорошо. Спасибо.

Медсестра в ответ бросила на меня убийственный взгляд и, взмахнув шикарными чёрными волосами, походкой фотомодели вышла вон, хлопнув как следует на прощание дверью.

Стоп, а что это она про «перед сном» сказала? Заберёт?.. Это плохо. Нужно будет предупредить Женю, чтобы не звонила и не писала, а ещё удалить SMS-ки. Ещё надо будет позвонить маме... чтобы что? Надо что-то сказать...

Кроме того, я не смогу отвлечь санитаря... Придётся на ходу что-то придумать.

И я тут же включила телефон.

«Женя?» – надеюсь, она услышит, что её пришло сообщение...

«Да?» – ответ пришёл почти сразу. Отлично.

«Сможешь мне помочь?»

Глупо звучит, конечно...

«Что я должна сделать?»

Да уж, в другое время я бы придралась к этому «должна», но сейчас это было абсолютно не к месту. Да и если к словам всё время придирааться, не останется никаких нервов. И без того сколько их перевелось за последнее время.

«Я в псих. больнице на Обводном канале, можешь подогнать какую-нибудь машину где-то к 22.00? На дорогу со стороны Успенской церкви»

«Ок, ты сбегашь?»

«да»

Я закусила губу. Сможет ли она? Не много ли я требую?

Подумав, написала:

«не пиши больше, я удалю сообщения, когда увидишь меня, посигналь фарами и дай 3 гудка»

Я сглотнула, перечитала сообщения и удалила их. Теперь нужно позвонить маме.

Я замерла с телефоном в руках. И что я скажу ей?.. Просто позвонить и выключить телефон?

На глаза вдруг навернулись слёзы, как только я представила мамину реакцию. Она же, наверное, считает, что я теперь её почти ненавижу, и, если я ей позвоню, очень обрадуется возможности поговорить, помириться, хоть чуть-чуть приблизиться ко мне... А если я сразу выключу телефон, она

очень сильно расстроится, что не ответила, будет звонить, ждать, когда я перезвоню, надеяться, а утром ей скажут, что я пропала...

На экран телефона закапали слёзы, горячие и частые. Нужно срочно успокоиться. Ясно, что никому звонить не буду, кишка тонка. Только бы не раскваситься окончательно.

После этого я заставила себя съесть плов, залила его горьким остывшим чаем и, оттолкнув в сердцах тележку, легла на кровать.

У меня стучало сердце. Все чувства смешались. Впервые я почувствовала, как зашаталась вера в себя и свои планы.

А если меня поймают?.. Да и как я, осторожная, боязливая, домашняя девочка, сбегу из психушки? Разве это возможно? И где я собралась прятаться? Чёрт возьми, да что я вообще напридумывала! Ничего из этого не выйдет, ничего, как пить дать! Я не умею врать, не умею хитрить... да и идти на эту сомнительную авантюру с переодеванием... В конце концов, я же не героиня американских фильмов про шпионов. Я просто дура.

«Нет, отбой, не приезжай, прости, что напугала» – это сообщение за меня написало охватившее меня глухое отчаяние. В самом деле, что может выйти хорошего из подобной затеи?..

«Боишься?» – неожиданно шепнул смутно знакомый женский голос в голове. Я подскочила, всё внутри съёжилось от страха, и я оглянулась.

Женщина стояла передо мной и смотрела мне в глаза. Та самая сестра Романа Александровича.

Я задрожала, и пальцы сами собой стёрли сообщение. Я не псих! Никто не имеет права держать меня где-то против моей воли, когда на то даже нет оснований! И я сбегу, я сбегу, во что бы то ни стало и сегодня же!

Я благодарно посмотрела на призрака, и мне почудилось, что женщина улыбнулась. Страх начал отступать, на секунду у меня возникло ощущение, что мы близкие друзья. Качнула головой в ответ на вопрос женщины. Нет, я уже не боюсь.

Короткого мимолётного взгляда на телефон хватило, чтобы женщина исчезла.

Примерно через час та же медсестра забрала мобильник и тележку с едой, а затем вернулась со стаканом воды и лекарством.

– Вот, выпей, – она протянула маленькую белую таблетку. Я отодвинулась, с подозрением её рассматривая.

– Что это?

– Это снотворное, – в её голове зазвучали уже знакомые мне капризные нотки. – Не будешь пить?

– Нет, спасибо.

Она сунула руку в карман и... вытащила шприц.

– Стойте, а это ещё что? – торопливо выпалила я, когда медсестра взяла меня за руку повыше локтя.

Не хватало ещё, чтобы меня тут из-за неоправданного и вероломного скепсиса накачали какими-нибудь наркотика-

ми.

–Снотворное. Если не хочешь, пить таблетку, будем вводить внутривенно, – злорадно заявила медсестра.

–Нет-нет-нет, тогда таблетку! – поспешно сказал я, отдёргивая руку. – Я... я боюсь уколов... и вида крови.

Медсестра посмотрела на меня с ненавистью и снова дала таблетку.

Я положила её в рот, прижала языком к нёбу, чтобы не проглотить, взяла из рук медсестры стакан и выпила его содержимое в рот.

–Проглотила? – пристально на меня глядя, спросила медсестра.

–Да.

Она долго на меня смотрела, затем настойчиво велела:

–Глотай.

–Я про...

–Глотай, или укол поставлю!

Я злобно покосилась на неё. Чёрт... кажется, не отвертеться.

–Всё?

–Всё...

–Теперь спи! – приказала мне медсестра и вышла за дверь.

В палате воцарилась тишина.

Я некоторое время полежала с закрытыми глазами, а затем села и вытащила изо рта так и не проглоченную таблетку.

Сейчас уже без десяти десять. Наверняка Женя уже подь-

ехала.

Я глубоко вздохнула. Пора приводить план в действие...

Ох, проклятие, а ключи-то я так и не раздобыла! Я вско-чила и, схватившись за голову, принялась мерить шагами палату. Что делать?! Сейчас выкрасть? А если не смогу – от-кладывать побег?! Ну уж нет!

Неожиданно тишину разорвал какой-то звон позади ме-ня. Я вздрогнула и обернулась. Опять женщина, а под её но-гами...

Я задрожала от радостного волнения. Это же ключи от кладовой!.. Она достала мне их!

–Спасибо, – прошептала я, улыбаясь во всю ширь рта. Мне очень хотелось, чтобы она меня услышала. Была бы она живая – я бы незамедлительно повисла бы у неё на шее.

И тут женщина улыбнулась, действительно улыбнулась. Значит, она услышала меня.

–Чем я могу помочь? – осторожно прошептала я.

Женщина только покачала головой и указала рукой на дверь. Пора идти отсюда.

И я, подобрав с пола ключи, прокралась к двери и посту-чала.

Шаги... у меня задрожали руки.

Кто-то взялся за ручку... как страшно-то!..

Дверь распахнулась, и на пороге вырос санитар, тёмные кудрявые волосы и борода густо покрывали его крупную го-лову и молодое лицо.

–Что такое? – он спросил это строго, но я видела, что глаза у него добрые.

–Можно мне в туалет?

–Ну, – он нерешительно оглянулся и вперил в меня подозрительный взгляд. – Ты пациентка?

–Я под наблюдением, – пояснила я как можно беззаботнее. И улыбнулась.

–А, ну тогда пойдём, провожу, – он тоже улыбнулся с явным облегчением и первый вышел в коридор.

Я вышла за ним. В глаза ударил яркий свет ламп. Настенные часы показывали 22:03. Женя уже ждёт меня.

Мы прошли через коридор к туалету, минув заветный поворот к кладовке. Я глубоко дышала, стараясь успокоиться, ладонь судорожно сжимала ключ, металл уже не был холодным, а рука так и горела.

Как же мне сбежать от санитаря? Что-то я не предусмотрела, что меня будут конвоировать.

–Спасибо, – сказала я с улыбкой, когда мы дошли до двери туалета. – Всё в порядке, вы можете идти. Я найду дорогу назад к палате.

–Нет, я должен тебя дожидаться, – ответил санитар, слегка нахмурившись.

–Но зачем? – невинно хлопая глазами, спросила я. – Я же просто под наблюдением. За мной не надо так строго следить...

Санитар замотал большой черноволосой головой:

–Таков порядок. Ступай скорее.

Я, стараясь не показать отчаяние, зашла в туалет и плотно закрыла дверь. И что дальше? Надо каким-то образом попасть в кладовку, но как?

Обшарпанный и влажный потолок, старые раковины, трубы с плесенью, хлипкие кабинки и унитазы в виде дыр... Что из этого помогло бы мне отвлечь конвоира? Может, закрыть, чтобы он забежал сюда, а потом запереть его здесь?.. Хм, неплохая идея, но не подходит. Шуму наделаю, да и хватятся наверняка быстрее.

А время-то идёт... Женя скоро начнёт волноваться. Что придумать?

Я прошлась по туалету, для приличия постояла в одной из кабинок, затем вышла, приблизилась к раковине, взглянула в зеркало над ней... и увидела мальчика-призрака за моей спиной. Голову так и обожгло, а пальцы словно изнутри покрылись ледяной коркой.

Когда я развернулась, он стоял уже намного ближе. Нет, я никогда к ним не привыкну... Секунду, а он появился очень даже кстати!

–Привет, – шепнула я, уповая, что он слышит меня, как и женщина. – Ты не можешь отвлечь санитара?

Прошла целая вечность, прежде чем мальчик кивнул. Я выдохнула и радостно прошептала:

–Спасибо!

Мальчик повернулся, подошёл к двери, и я неожиданно

подумала, что никогда не видела, как и куда они исчезают.

Стоило мне обернуться к зеркалу, как мальчика будто и не бывало.

Как он выполнит мою просьбу?

Как же странно, однако. Я их боюсь, а они мне помогают.

Тут откуда-то из другой части коридора раздался звонкий продолжительный леденящий душу детский смех. У меня комок сдавил горло от испуга. Бедняга санитар, поседел совсем, наверное... Я услышала, как он позвал владельца смеха и, не получив ответа, быстро пошёл прочь от двери. Его шаги всё отдалялись, а затем и вовсе стихли. Только тогда я выползла из своего убежища.

Коридор был пуст.

Я, словно во сне, двинулась по направлению к тупичку. Ключ прожигает мне ладонь, будто желая вырваться из плена пальцев и исполнить своё предназначение.

Вот нужный поворот. Во рту пересохло от волнения, и я шагнула в темноту. Дверь в полумраке сначала не бросилась в глаза, и я испугалась, что свернула не туда, но вскоре глаза привыкли к тени. Дверь была на месте.

Я вставила ключ в замок и долго дрожащей рукой пыталась его повернуть, но ничего не выходило. На лбу выступила испарина. А если это не тот ключ?! Нет, его ведь мне подбросила та женщина, я должна ей верить. Не каждый день тебе подбрасывают ключи привидения, к тому же, с чего бы ей мне врать? И потом, она ведь, кажется, и сама заинтере-

сована в том, чтобы я сбежала.

Промучившись с замком целых пять секунд, я догадалась вытащить ключ, перевернуть его и вставить другой стороной, но на этот раз долго не могла попасть в чёрный изгиб.

После долгой минуты бесплодных попыток отпереть дверь, кладовая всё-таки была открыта.

Я ввалилась туда и аккуратно прикрыла дверь. У меня совсем мало времени. Санитару только и нужно, что выглянуть на лестницу и пройти по другому коридору, чтобы поискать ребёнка там. Потом он убедится, что ему почудилось, и вернётся. К тому времени я уже должна неуверенно переминаться с ноги на ногу около двери туалета, как этакая пай-девочка, которой никуда не позволено ходить одной. Моё счастье, если мальчик будет и дальше его пугать и уведёт куда-нибудь на другой этаж. Это поможет мне выиграть время.

В кладовой темно – хоть глаз выколи. А нужно поторапливаться. Да и Женя уже, наверное, с ума сходит. Звонить станет, чего доброго. И вообще, в такой ситуации заставлять её ждать просто неприлично.

Я пустилась на поиски халатов, вытянув перед собой руки на манер слепых. Пальцы тут же наткнулись на деревянный стеллаж и с грохотом в него врезались, я покачнулась, выбросила руки в стороны, чтобы удержать равновесие и на что-нибудь опереться, и почувствовала резкую боль в ладони. Кажется, чем-то порезалась. Осторожно ступила в сторону и нашла ногой свободное пространство, а затем медленно

двинулась дальше, шаря ногами и рукам впереди себя.

Дальше мне попались какие-то палки, совсем не тяжёлые, видимо, швабры. Нога ткнула что-то твёрдое, и раздался глухой звон. Ведро. Ещё стеллаж, на полках склянки. Нащупав грань полки, я медленно повела пальцами вдоль него, чтобы ничего не уронить, и почувствовала край стеллажа.

Где же халаты, где? О, вот! Ткань... Кажется, хлопок... карман, пуговицы... Да, это они, халаты!

Я с облегчением выдохнула и прислушалась. В коридоре пока тихо.

Руки вцепились в спасательный халат и принялись ворочать и мять его, пытаясь сдёрнуть с вешалки.

Тут сквозь шорох ухо уловило какие-то звуки за дверью. Я остановилась, перестав дышать и шуршать халатом, снова прислушалась.

О нет! Шаги! Проклятие! Я замерла, пытаясь не дышать и унять колотящееся сердце. А если сюда свернёт? А если снаружи видно, что дверь не заперта? А если это санитар возвращается?..

Шаги всё ближе, спокойные, размеренные, и вот зазвучали совсем рядом... Сбоку, теперь прямо передо мной... Не остановились. И – снова сбоку... удаляются! Это не санитар, а кто-то другой.

Топ, топ, топ, шорк, топ, топ... идёт дальше, уходит, не останавливаясь...

Я ещё слушала, ощущая, как от испуга слезятся глаза, по-

ка шаги неизвестного не стихли окончательно.

Затем облегчённо перевела дух и снова взялась за халат. На этот раз он сдёрнулся с вешалки легко, я наспех его свернула и торопливо засунула под пижаму. Теперь можно выбираться...

До двери я дошла без приключений. Первый этап почти пройден.

На цыпочках я прокралась назад к туалету, не забыв запереть дверь кладовой и подсунуть ключ под стол, за которым обычно сидел санитар, дежуривший ночью. Спасибо тебе, сестра Романа Александровича...

–Эй!

Я подскочила и оглянулась. Санитар, с надутыми губами и нахмуренными бровями, мрачный и сосредоточенный, смотрел на меня и, кажется, был рад хоть какой-то компании. Судя по всему, он не заметил ничего подозрительного в том, что я топталась около его стола. Да ещё и с каким-то неожиданно набухшим под пижамой животом.

–Просто вас не было, – невинно залепетала я, стараясь прикрыть внушительный бугор под одеждой, – и я пошла к палате сама...

–Ага, иди, – слегка дрожащим голосом ответил он и, покусывая губу, побрёл дальше по коридору мимо стола.

«А мальчишка-то жжёт!» – восхищённо отметила я про себя.

–Всё хорошо? – деланно заботливым тоном окликнула я

санитара.

–Что?! – вскрикнул было он, скачком обернувшись. – А... да... всё нормально, – резковато пробубнил он, опомнившись, махнул рукой, выдавил улыбку, словно показывая, что всё и впрямь нормально, и побрёл дальше.

Я не сдержала ухмылки и быстро зашла в палату.

Как только дверь закрылась, мне на миг показалось, будто я вернулась домой, в тепло, сухость и уют после ливня и холодного ветра. Тишина, темнота и спокойствие.

Мне захотелось завалиться на кровать и отдохнуть хотя бы чуть-чуть, но я понимала, что медлить нельзя. Во-первых, меня дожидается подруга. Во-вторых, сейчас у врачей ужин, и если уж убегать, то пока они ещё едят. В-третьих, – и это самое существенное, – санитар может вернуться на пост, и тогда выскользнуть мне уже не удастся.

С этими мыслями я подошла к шкафу, вытащила оттуда свою одежду (её привычный вид вызвал у меня глубокую радость и тепло), стала в неё переодеваться и от нарастающего волнения путала пуговицы на джинсах. Облачившись в «гражданское», я набросила на плечи халат.

Ну что ж... пора. Я окинула прощальным взглядом палату, и где-то внутри шевельнулся обрывок грусти. Неужели я буду скучать?.. По этой палате – да. Особенно по этой жёсткой кровати, на которой родился план побега.

У двери я прислушалась. Снаружи было тихо, где-то в другой части коридора – отзвуки чьих-то голосов, но они да-

леко.

Неожиданно мне пришло на ум, что эти два призрака вполне могли бы быть моими друзьями, если бы были живы. А эта женщина ещё и красивая, у неё такая замечательная улыбка... как жаль, что нам, живым, этой улыбки не увидеть! Лучшее, что есть в человеке – это жизнь. Вот чему действительно стоит радоваться – тому, что окружающие живы. А раньше я думала, что чудо – это колдовство, монстры под кроватью или феи под подушкой. А чудо – это жизнь, та самая, которую люди воспринимают как данность...

На мгновение зажмурившись и стараясь запечатлеть себя в этот миг в памяти, я глубоко вздохнула и выскользнула из палаты.

Волнение всё нарастало по мере того, как я приближалась к лестнице. Мне стало казаться, что ступеньки подо мной двигаются и пытаются стряхнуть меня с себя.

Путь до первого этажа показался мне бесконечным. Едва спустившись с последней ступеньки, я нагнала на себя равнодушный вид и ровным шагом двинулась по коридору. Впереди слышались голоса, и я инстинктивно бросилась в ближайший поворот и затаилась там. Затем выдохнула, снова вышла и нагло пустилась дальше, вспомнив, что у меня есть прикрытие. Для убедительности я даже затопала погромче, чтобы показать всем и вся, что я тут законно, что меня пустили.

Мимо прошли врачиха и рядом с ней какой-то санитар, и

я непроизвольно задержала дыхание, желая сделаться невидимкой. Возможно, я правда стала невидимкой, потому что врачи не удостоили меня и взглядом, словно я была микроскопической паутинкой в углу на потолке.

Ещё немного я попетляла по первому этажу, с самым озабоченным и серьёзным, деловитым лицом, какое обычно видела у посетителей. Также пугалась проходящих мимо людей, но уже не пряталась, и они, как один, едва бросали на меня взгляды. Видимо, мне удалось слиться с пейзажем.

На пол от ламп с потолка падали квадраты света, и я старалась держаться тени, огибая эти квадраты. Так мне казалось безопаснее.

Тут откуда-то сбоку раздалось:

–Честное слово, там был ребёнок!

Господи, да это тот самый санитар, который провожал меня до туалета! Мне показалось, что сердце пронзил разряд минимум в 200 вольт, и я метнулась к ближайшему и весьма ненадёжному укрытию – к большим горшкам с цветами.

–Вы забыли, что детей здесь больше не держат?

Час от часу не легче... Это уже голос Романа Александровича, и он, похоже, в крайне паршивом настроении.

–Да, но там точно был ребёнок, я вам клянусь!

Они вышли из тени и остановились прямо рядом с горшками. Я перестала дышать, чтобы не выдать себя, и замерла, напрягшись всем телом.

У Романа Александровича было очень озабоченное лицо,

а санитар был всё ещё сильно напуган. Похоже, он не возвращался на пост.

—Я же собственными ушами слышал смех, а потом мальчишку увидел, настоящего! Роман Александрович, нужно принять какие-то меры!

—Госпитализировать вас? — с раздражением ответил ему врач, явно думая о чём-то другом. Этот тоже напуган. Приятно видеть произведённый тобой эффект.

—Вы намекаете, что у меня крыша поехала? — кудрявые чёрные усы словно поникли.

—Антон, ты знаешь, сколько я уже сегодня наслушался о призраках? Только от тебя ещё не хватало этих сказок, — сердито процедил Роман Александрович, перескакивая на «ты».

—Я серьёзно вам говорю...

И эти двое, продолжая спорить, пошли дальше в противоположную сторону от той, куда я направлялась.

Я облегчённо вздохнула и, подождав, когда шаги санитаря и доктора стихнут окончательно, вышла из своего укрытия и двинулась дальше, на ходу поправляя на плечах белый халат. Скорее всего, врач и санитар сейчас направляются на тот этаж, где была моя палата. Не исключено, что они и ко мне заглянут. Значит, нужно поторапливаться. Побег скоро раскроется.

В приёмном отделении никого не было, кроме врачихи за столом. Я её сразу вспомнила: она была здесь, когда меня

привезли. Надеюсь, у неё память на лица хуже, чем у меня.

Я молча прошла мимо неё и стала снимать халат, очень стараясь, чтобы движения были спокойными и непринуждёнными. Сердце торопилось и барабанило, как безумное.

–Вы к кому-то приходили? – устало спросил меня женский голос из-за спины. Даже не поинтересовалась, к кому. Видимо, посетителей не записывают.

–Да, – беззастенчиво соврала я. – В 107-ую. До свидания.

Врачиха лениво кивнула, даже и не подумав посмотреть в свою книжку и посмотреть, кто лежит в 107-ой палате.

–До свидания.

Я повесила халат на вешалку, где висели другие халаты, и тут поняла, что халаты, которые надевали посетители, более прозрачные, а у моего ткань такая же плотная, как у врачей. Закусив губу и загородив собой вешалку, я стала прятать свой халат, заталкивая его подальше под другие белые одежды. Ещё не хватало попасться из-за такой мелочи...

Справившись с ошибкой, я натянула куртку, которую упрятала под свитер, когда покидала свою палату, и вышла на улицу.

Никого.

Свобода... Свобода!.. Мне вдруг захотелось прыгать, визжать во все связки, голосить, плясать... я на свободе!!!

И я почти вприпрыжку направилась к дороге, и тут...

–Эй ты!

В глазах потемнело, а сердце замерло. Тут что-то снесло

меня с ног.

– Вот ты где!

– Женья, – от облегчения я расплылась в глупой улыбке и повисла у подружки на шее.

– Ну точно, кишки вместо мозгов, – ухмыльнулась Женья и, обняв меня за плечи, поволокла в сторону киоска, на ходу оглядываясь и убирая телефон в карман. Наверное, она уже хотела мне позвонить.

– Ты приехала! – радостно сказала я зачем-то, подпрыгивая рядом с ней.

– Действительно? – саркастично протянула подружка, заталкивая меня в небольшую машинку у киоска. – Поехали быстрее, вдруг они уже забили тревогу?

– А знаешь что? – сказал я, кидая на психбольницу прощальный и торжествующий взгляд. – Сможешь нарисовать комикс про то, как призраки берут врачей в плен?..

Глава IX

– Так тебе нужно пристанище?

Мы сидели на кухне у Жени и пили чай. Было воскресенье, поэтому ей не надо было в университет.

Ночью Женя привезла меня на машине какого-то своего знакомого сюда, и ночь я провела здесь.

Кухня у Зайцевых очень уютная и светлая, много цветов в горшках, картин, вся мебель светлая... очень успокаивающая обстановка. Родители у Жени настоящие волшебники.

– Да, – я смущённо и виновато смотрела в кружку. – Я понимаю, что многого прошу...

Женя некоторое время молчала, а я боялась посмотреть на неё.

– Нужно только решить, здесь или в общежитии, – наконец, задумчиво сказала она.

– Правда?..

– Конечно, правда. Тебе ведь надо где-то прятаться. Я придумаю, что сказать родителям. Только вопрос, где тебя будет труднее разыскать.

Я снова опустила глаза. А вдруг у них будут из-за меня проблемы?..

Мы ещё несколько мгновений помолчали, потом Женя нетерпеливо спросила:

–Так что скажешь? Где лучше тебя спрятать?

–Жень, я... даже не знаю. Я тут подумала, а у вас не будет из-за этого проблем?

–Нет, я так не думаю.

Её тон меня немного обнадёжил.

–Лучше здесь, наверное, – тем временем сказала она.

–Уверена? Врачи с лёгкостью могут узнать твой адрес, – с сомнением сказала я.

–Вот именно. Они сразу обратятся к твоим родителям, а те наверняка поймут, что ты, скорее всего, не рискнёшь жить там, куда могут так легко наведаться, и выберешь более безопасное место. Скажем, общежитие. Поэтому тебе лучше быть как раз-таки здесь.

Женя, встала, забрала у меня пустую кружку и поставила в раковину, а затем снова села напротив меня.

Я молчала. Да, Женя права. Но её родители... Как им это понравится? Если бы со мной поселился друг моего ребёнка, в то время, как сам ребёнок живёт в общежитии? Не похоже, что этот друг приглашён в гости. Это само по себе вызывает подозрения. А потом сюда ещё придут мои родители, и станет ясно, что Женя меня прятала. Интересно, что ей на это скажут...

А меня, пожалуй, уже разыскивают. Бедняга санитар! Представляю, как ему от Романа Александровича влетело! Его ещё, чего доброго, тоже под надзором начнут держать.

С другой стороны, у меня нет выбора. Сейчас только по-

ложиться на друзей и остаётся. Не могу же я тайком от мамы с папой жить дома?

Мысли тут же потекли в этом направлении. Например, являться можно до наступления темноты, тщательно запираеть дверь, будто её никто не открывал, тихонько прокрадываться к себе и ждать, когда все придут домой. Затем прятаться, а, когда все лягут спать, покидать своё убежище и тоже отходить ко сну... А утром... Не станут же мама или папа до работы заглядывать в мою комнату?..

Тьфу, ерунда какая! Разумеется, я не смогу втайне обитать дома. Разве что в крайнем случае. Если они переберут каждую мелочь во всех моих потенциальных укрытиях. И по камешкам разберут общежитие. А сюда, домой к Жене, они всё равно придут первым делом. Даже если родители прочистят им мозги на предмет того, что я не настолько глупа, чтобы совать нос туда, где они меня найдут в два счёта... Дом Жени мне не крепость.

–Слушай, а ты уверена, что мне лучше отсидеться здесь? Даже если родители их убедят, что я сюда не приду, они всё равно заглянут к вам. Хотя бы для того, чтобы просто удостовериться, что вы не прячете умалишённую беженку.

Женя, массирующая запущенными в волосы пальцами голову, медленно нахмурилась и сложила руки замком, упершись в них ртом и подбородком. Она всегда так делает, когда пребывает в замешательстве.

–Ты знаешь, – после долгой паузы заговорила она буднич-

ным тоном, – не факт, что они вообще станут тебя так усиленно искать. Во-первых, диагноз тебе никто так и не поставил, правильно?

Я кивнула.

–Во-вторых, ты напугала врача, да ещё и тот парень, которого они наверняка обвинили в том, что ты сделала ноги, несёт какую-то чушь, – продолжала подруга, – Псих вряд ли убедит здравомыслящего человека в своих бреднях, если только бредни не правда. Так что, возможно, кое-кто тебе там и верит. В-третьих, для поисков им придётся иметь дело с полицией. А я тут выкопала кое-что по поводу госпитализации детей в этой больнице. Оказывается, это не слишком-то законно, а тебе всего полмесяца назад семнадцать исполнилось, – Женя многозначительно вскинула брови. – От твоих родителей им, может, и удалось скрыть это, но я не думаю, что они станут связываться с полицией, тут ведь может всплыть то, что они вряд ли хотят, чтобы кто-то знал. Скорее всего, они постараются всё замять. А если и обратятся в органы, полиция наверняка поинтересуется, что у них делал несовершеннолетний и как он сбежал прямо у них из-под носа. К тому же, у них ведь нет ни единого существенного подтверждения, что ты опасна...

–Может, и не опасна, – перебила я, – но совсем другое дело, что без присмотра окажется несовершеннолетняя. И потом, если я в ближайшие дни не вернусь домой, меня сочтут без вести пропавшей.

–Даже если твои родители начнут розыск, в чём я тоже сомневаюсь, это случится далеко не сразу, – забормотала Женья, уставившись в стол. – Сама подумай, ты уже сбегала из дома ко мне на отцовской машине. Я думаю, твои родители не станут бить тревогу по крайней мере в ближайшие пару дней, а за это время тебе стоит объявиться и дать им о себе знать. Тогда они не обратятся в полицию...

Тут её ладони, сомкнутые напротив рта, резко расплелись и со звонким шлепком врезались в столешницу.

–Чёрт! Ты должна в минимальные сроки вернуться домой, а за это время надо либо убедить твоих предков, что ты в порядке, либо заставить их тебе поверить! – решительно и отрывисто объявила она.

У меня вырвался истерический смешок.

–И как ты предлагаешь мне сделать это? По-твоему, я смогу всю жизнь прикидываться, что никого не вижу? А поверить они мне всё равно не смогут, – я сама не заметила, как вскочила со стула и принялась бегать по кухне, – сколько всего я им рассказала, сколько доводов приводила, у меня было два нервных срыва, и это впервые за семнадцать лет!.. Я изменилась, просто резко взяла и изменилась, они это видят, но для них это ничего не значит! Они думают, я взрослею! Что у меня какой-то там переходный возраст! Они и слышать не хотят о призраках...

Я остановилась так же незаметно для себя самой. Порыв исчерпал себя, захотелось закрыть глаза и ни о чём не думать

хотя бы какое-то время.

За моей спиной скрипнул стул, и вдруг две руки за плечи развернули меня назад. Женино лицо оказалось совсем рядом с моим, в голубых глазах отразился свет от окна, и они будто заискрились изнутри.

– Неужели мы не найдём способ убедить их? – по её губам пробежала усмешка, от которой в искрящихся глазах заплясали чёртики, и она решительно надавила мне на плечи, усаживая на диван, стоящий чуть сбоку от стола. – В ногах правды нет.

* * *

«Мам, пап, привет. Со мной всё в порядке, и у меня есть крыша над головой. Не волнуйтесь. Искать меня тоже не надо. Я сама скоро вернусь.

Не переживайте за меня, я самостоятельнее, чем вы думаете.

Я сбежала, потому что знаю о своём рассудке больше, чем врачи, и потому что не хочу находиться в статусе сумасшедшей. Надеюсь, этот поступок наведёт вас на мысль, что я вообще не вру и не выдумываю.

Вы можете спросить Петра Ивановича, он подтвердит, что мне было известно то, чего я знать не могла. Он мне верил. Поверьте и вы.

И ещё раз, не волнуйтесь, пожалуйста!!!

Люблю вас, Ира

P.S. Те люди, которых я вам описывала, умерли в моей палате.

P.P.S. Поцелуйте от меня Фрака.

P.P.P.S. Мой мобильник остался в психушке!!! Я волну-юсь за него.»

Этим письмом я взволнованно хрустела, стоя у дверей на-шей квартиры.

Нужно воткнуть его в щель между дверью и косяком... Сложенный лист очень тонкий, должен войти.

Сейчас 19:00, и мама ещё работает, а домой вернётся поз-же обычного, потому что я пропала, и она, скорее всего, за-едет в психиатрическую больницу на Обводном канале. А это далеко от места её работы.

Когда я писала это письмо, сидя на диване перед журналь-ным столиком у моей подруги, я ощущала себя совсем взрос-лой и ответственной и будто успокаивала родителей, стара-ясь вложить в слова побольше уверенности в себе. А кро-ме этого, я втайне надеялась, что они, хоть и заперезивают после этого письма, наверное, ещё сильнее, но всё же будут мной гордиться.

А сейчас, стоя у дверей дома и слушая, как за ней тоскли-во скребётся Фраклик и жалобно мяукает, я просто—напро-сто старалась не зареветь.

—Фрак, я не могу зайти! Присмотри за родителями, пока

меня не будет дома, – прошептала я, прижавшись к двери.

Как же мне хотелось распахнуть дверь, подхватит на руки мерзкого высокомерного кота и обнять так, чтобы он непременно расцарапал мне руки... А он, как ни странно, чувствовала меня из-за двери. Я давно заметила, что о моём приходе Фрак всегда узнаёт раньше других, ещё когда я только захожу в подъезд.

Я, всхлипнув, сунула письмо в дверь и торопливо кинулась к лестнице, пока окончательно не расквасилась. Или же пока мнительные соседские старушки меня не засекли.

У подъезда меня поймала Женя и ту же спросила, не заметил ли меня кто, на что я моментально расплакалась, уткнувшись ей в плечо.

–Ну Ир, – обнимая меня, утешительным тоном протянула Зайцева, – поехали. Мы что-нибудь придумаем, и всё будет хорошо.

–Да? – я хлюпнула носом.

–Обещая тебе.

–Спасибо, – продолжая всхлипывать и жаться к подруге, пробулькала я.

Когда мы вернулись, Женя принялась сочинять для своих родителей версию моего появления в их квартире. Сначала история получалась красивой и трогательной, потом трагической и болезненной, потом комичной, затем превратилась в страшное реалити-шоу, после чего стала самым настоящим фильмом ужасов. Как ни странно, эти полтора часа значи-

тельно подняли мне настроение, на что Женя, похоже, и была нацелена.

Когда к вечеру приехали Женины родители, мы несколько сбивчиво, поминутно переглядываясь и дополняя друг друга, выдали историю о том, как мои родители уехали в командировку, а меня оставили одну, и я потеряла ключи от квартиры. Женина мама сразу бросилась заваривать чай, дружелюбно и заботливо спрашивая, как же я ухитрилась, а папа скептически приподнял бровь, скользнул по мне взглядом и многозначительно посмотрел на Женю, словно вытаскивая из её головы правду. Надо сказать, отец у неё очень наблюдательный, даже слишком. Как мой... Хотя мама у меня всё же наблюдательнее, чем папа. Мои родители порой и вовсе кажутся экстрасенсами.

—А куда уехали твои родители, я так и не поняла? — усаживая меня за стол, спросила Женина мама.

—В командировку в Москву. Они журналисты, — видя, что мне неловко, ответила за меня Женя, ставя перед матерью кружку с кофе.

—Правда? Женя раньше хотела быть журналистом. А ты уже решила, куда будешь поступать? — широко улыбнувшись, спросила Наталья Владимировна (так зовут Женину маму) — Спасибо, — прибавила она, обращаясь к дочке.

Я хотела ответить и так и застыла с открытым ртом, только сейчас заметив, как сильно Женя похожа на неё. Та же улыбка и те же голубые глаза, только взгляд у моей подруги... тя-

желее, что ли. И мама явно улыбочивее дочери: у неё вокруг глаз разлетаются тоненькие морщинки, когда она улыбается, а от ямочек на щеках даже есть следы. У Женьки они совсем не заметны.

– Я... не знаю, тоже думала на журналиста, – я немного растерялась, а от радушия Натальи Владимировны мне стало совсем стыдно. Всё-таки мы её обманули... и на журналиста я идти вовсе не думала. С литературой у меня плоховато. Не пойму я, зачем нужно так тщательно анализировать произведения, разве важно, сколько в романе сюжетных линий, как прогрессируют герои и что значат те или иные нюансы вроде снов, цвета одежды и так далее? Гораздо важнее, интересен ли этот роман. Ведь книги пишутся не для того, чтобы их разбирали по частям, как конструктор, и разглядывали каждую деталь со всех сторон.

– Ну а сейчас? – с живым интересом продолжала Женина мама, отпивая кофе и уютно при этом причмокивая.

– Наверное, на переводчика, – ответила я, тоже отхлёбывая чай и с завистью поглядывая на кофе моей собеседницы. Уютно причмокнуть у меня не вышло, вместо этого я едва не подавилась.

– Очень востребованная профессия! Тебе интересны языки?

– Ну, – я скромно пожала плечами и в поисках поддержки взглянула на Женю, которая, пригнувшись к своей кружке рядом с Натальей Владимировной, исподлобья внимательно

меня изучала, – у меня неплохо с английским, к тому же, мне нравится этот язык.

– Не полиглот? – улыбаясь, спросила Женина мама.

– Нет, я... нет, – я неловко улыбнулась. – Не представляю, как можно столько запомнить!

В этот момент на кухне появился Анатолий Сергеевич, Женин отец, и, встав у окна, задумчиво осмотрел оттуда нашу компанию.

– И как ты ключи потеряла? – протянул он.

Под его испытующим взглядом я невольно втянула голову в плечи.

– Сама не знаю, – я не узнала своего голоса: сущий комариный писк! – Наверное, они выпали, когда я доставала из кармана телефон...

– Стало быть, телефон твой при тебе? – Анатолий Сергеевич изогнул бровь.

Что-то в нём так же напоминало Женю, но это что-то было, скорее, в мимике. Его лицо было неподвижно, взгляд пронизательный и сильный, на лбу – печать мысли. И весь он был как мысль – какой-то важный, значительный, но такой неосязаемый, словно воздушный. Тонкие черты, как у Жени; тонкие пальцы, быстро и сознательно водящие по подоконнику под властью постоянно движущейся мысли; величественная осанка; узкие, но крепкие плечи; худощавое тело и лёгкие движения...

Перед таким человеком ощущаешь себя жалким невежей,

солдатом перед королём или кроликом перед удавом.

– Почему же ты не позвонила родителям со своей бедой? – продолжал он тихо, неторопливо, но эффектно, словно и впрямь был удавом.

– Я... я звонила им... они сказали, постараются приехать, – я почувствовала, что мысли начинают путаться.

– Пап, они в другом городе, – вмешалась Женя, разгибаясь и откидываясь на спинку стула.

Анатолий Сергеевич перестал гладить подоконник и сел рядом со мной. Мне стало неуютно: такой он был невесомый, что мне показалось, будто передо мной очередной призрак.

– Они оба уехали в другой город, так? – не сводя с меня глаз, спросил он.

Я так и вдавилась в стул, не зная, что ответить. Боже мой, кажется, догадывается... Но как?

– Да. Сначала уехал отец, но сломал ногу по пути в гостиницу, и следующим рейсом вылетела её мама, – моментально сориентировалась Женя. – Тем более, он её позвал. Она не могла не приехать.

Я бросила на неё благодарный взгляд и быстро добавила: – Именно так. Жаль, что я не смогла поехать с ней! Но мама сказала, кто-то должен остаться с котом, да и школа ждать не будет.

Женя красноречиво вскинула бровь, совсем как её отец, и незаметно подняла большой палец, словно говоря: «Фантастическое враньё». Да она бы это и сказала.

–И как они собираются приехать, если твой отец в больнице?

–Мама собирается... Ну, вроде, она так сказала...

–Не надо! – решительно сказала Наталья Владимировна, которая всё это время озабоченно прислушивалась к разговору.

Все посмотрели на неё: я – с надеждой, Женя – растерянно, а Анатолий Сергеевич – с видимым раздражением.

–Если твой отец сломал ногу, пускай мама остаётся с ним. Поживёшь пока у нас. Зачем зря беспокоить их? – рассудительно сказала Наталья Владимировна.

Я уже хотела горячо её поблагодарить, но вместо этого, спохватившись, нахмурилась, изображая напряжённое шевеление мозгами.

–Ой, как неловко, – с притворным смущением протянула я и поняла, что краснею.

Это не укрылось от глаз Анатолия Сергеевича, который схватывал происходящее с необыкновенной скоростью.

–Но, как ты уже сказала, твоя мать собралась возвращаться. Почему бы тебе не позвонить ей и не сказать, что ты поживёшь пока у нас?

Упс... Телефона-то у меня нет...

–Вы знаете, – промямлила я и замолчала, покраснев ещё сильнее и окончательно растерявшись.

–Она потеряла телефон, – пришла на помощь Женя.

–Быть может, она выронила его вместе с ключами? – в

упор разглядывая меня и обращаясь то ли к Жене, то ли к самому себе, спросил он.

Я хотела уже согласиться, радуясь подсказке, но подруга меня опередила:

–Нет, она ведь позвонила родителям после того, как выронила ключи. Она телефон потом потеряла.

–Давно ты здесь, Ира? – спросил вдруг отец Жени.

–Я здесь ночевала, – испуганно сказала я.

Когда Женя привезла меня накануне из психушки, здесь никого не было. Её родители ночевали у каких-то своих знакомых.

–А ты как узнала, что ей негде жить? – продолжал допрос Анатолий Сергеевич, поворачиваясь к дочери.

–Я ей позвонила, – ответила я за Женю, заметив, что под взглядом отца она вновь уткнулась в кружку.

–А, понятно... Ты позвонила Жене с телефона, который потеряла, верно? – его глаза торжествующе блеснули, когда он вновь вперил их в меня.

–Толя! – с упрёком шикнула на него Наталья Владимировна, призывая мужа к порядку.

–Папа! – одновременно с ней возмутилась Женя. – Она потом потеряла телефон!

–И я так и не понял, – игнорируя Женину поправку, продолжал мужчина, – твоя мама приехала, потому что твой отец сломал ногу и позвал её?

У меня язык словно пересох, отказываясь шевелиться.

–Когда он сломал ногу, у него был бред, и он в бреду называл имя её мамы, – выкрутилась Женя.

Я уставилась на неё, не веря ушам. Бред? Сломал ногу – и бред?.. Что за... бред?

Но Анатолий Сергеевич продолжал гипнотизировать меня взглядом, и я отчаянно закивала.

На полминуты повисла тишина, которую разрушил томный вздох. Все посмотрели на Наталью Владимировну.

–Пойдём, Анатолий, – сказала она, поднимаясь из-за стола. На её глазах блеснуло нечто, подозрительно похожее на слёзы. Похоже, история её растрогала. – Поживёшь у нас, Ирочка, всё хорошо.

Анатолий Сергеевич ещё раз смерил нас обоих свирепым взглядом и вышел из кухни вслед за женой.

Мы помолчали.

–Когда ты ломала ногу, у тебя был бред? – тихо спросила я, когда молчание затянулось.

–Не придирайся! – огрызнулась Женя, затем рывком встала и, собрав кружки, обрушила их в раковину и принялась мыть.

–Вечно всё испортит, – бурчала она себе под нос. – Всё хорошо было, пока он не пришёл...

Я смущённо думала о том, как нехорошо мы поступили, обманув родителей Жени. Точнее, её маму. Всё-таки, одно дело – обманывать такого, как Анатолий Сергеевич, который ложь может раскусить в два счёта, и совсем другое – врать

такому добродушному и тёплому человеку, как Наталья Владимировна.

А Женя продолжала ворчать на отца.

– Я думала, он добрый и мягкий, – заметила я, выбрав момент, когда подруга сделала паузу.

Женя замолчала и перестала греметь посудой, а потом медленно и зловеще обернулась ко мне. Кажется, я зря это сказала.

– Запомни, – с расстановкой произнесла она, – он не добрый и не мягкий. Он был таким в старые добрые времена его детства. А теперь он расчётливый и колючий, – Женя снова взялась за посуду. – А ещё он стал телепатом и никому не сказал об этом.

– А чем он занимается? – я вдруг вспомнила тонкие и ловкие пальцы Анатолия Сергеевича. Они чертили на подоконнике какие-то витиеватые узоры, и каждое их движение так и испускало какую-то удивительную энергию, какие-то магические импульсы... Как и пальцы моей подруги.

– Рисует комиксы и мультфильмы, – поморщилась Женя, случайно уронив в раковину одну из кружек. – Даже этим ухитряется портить дело... Стоит мне начать рисовать, так папа уже тут как тут! Маячит за спиной и ну всю меня ругать, – она снова уронила кружку, – То рисовка ему наркоманская, то эмоции ему невыразительные, то жесты неестественные, то стиль скачет, то сюжет глупый... – она выключила воду и обернулась. – Так вот и живём.

Я посмотрела на стол, на котором была лужица в форме кольца, оставленная мокрым дном моей кружки.

– Мои родители могут прийти сюда, Женя. Или полиция.

– Ты говорила, у твоего отца проблемы с коленом?

– Чашечки вылетают.

– И после аварии это случилось?

– Да.

– Ему можно сейчас ходить?

– Нет. Он дома. Ходит на костылях только до машины и назад, когда ездит на процедуры в больницу.

– Значит, сюда он не придёт, – подруга удовлетворённо кивнула. – А коль придёт твоя мама... ты же потеряла телефон и не смогла позвонить и сказать, чтобы она не возвращалась в город, верно?

Я кивнула и вздохнула.

Лучше бы никто не пришёл вообще.

Глава X

Звонок в дверь застал нас врасплох. Я, выряженная при видеением, как раз надвигалась на снимающую меня на телефон и трясущуюся от едва сдерживаемого смеха Женю.

–Кто там? – крикнула Зайцева, ставя видеозапись на паузу.

Звонок повторился, и мы приблизились к двери.

–Ира, это за тобой, – услышала я бодрый голос Жени и резко сорвала с себя простыню.

–За мной? – просипела я, воровато глянула на дверь, подошла и пихнула подругу в бок, чтобы посмотреть в глазок.

–Постой, – Женя отодвинула меня и снова прижалась к глазку. – А, нет. Это мой заказ.

Она открыла дверь, и в прихожую ввалился молодой человек в кепке, с конопатыми скулами и выпирающими острыми лопатками.

–Линзы заказывали?

Я вздохнула с облегчением, на негнущихся от испуга ногах уплыла в Женину комнату и открыла один из свежих комиксов Анатолия Сергеевича (после стычки за столом мы снова поговорили, и наши отношения чуть потеплели, он даже разрешил мне почитать некоторые его творения).

Через полминуты входная дверь хлопнула, и в комнату за-

шла Женя, помахивая небольшой белой коробочкой.

–Я тут подумала, – задумчиво начала она, открывая коробочку, – если ты видишь призраков одним глазом...

Тут я поняла, что с самого моего побега никого не видела. Ни на улице, ни у нашего дома, ни у Жени... Странно!

Я задумалась. Куда они делись? Что бы это могло значить? Может, я больше... сердце ёкнуло от ослепительного счастья и облегчения. Я не вижу их больше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.